ДЖОАННА

ЛИНДСЕЙ

Серебряный ангел

Раньше она никогда бы не поверила,
что может забыть себя,
совершенно отдавшись страсти...

Джоанна Линдсей

Серебряный ангел

Серия «Королева любовного романа»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131514
Серебряный ангел: [роман] / Джоанна Линдсей: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-106375-7

Аннотация

Если бы юной Шантель Бурк сказали, что, попав в плен к пиратам, а затем в гарем турецкого паши, она встретит настоящую любовь, то она не стала бы оказывать такое бешеное сопротивление. Хотя все равно не избежала покушений на свою честь и жизнь. И гораздо раньше ей удалось бы преодолеть в себе надменность английской аристократки, скажи Дерек Синклер лишь несколько слов…

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	41
Глава 5	51
Глава 6	58
Глава 7	67
Глава 8	81
Глава 9	87
Глава 10	104
Глава 11	110
Глава 12	118
Глава 13	127
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Джоанна Линдсей
Серебряный ангел
Роман

Johanna Lindsey
Silver angel
© Johanna Lindsey, 1988
© Перевод. А.Ф. Фроловский, 2000
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Глава 1

Барика, Варварский берег, 1796 год

На улице Ювелиров торговец жемчугом Абдул ибн Месих закрыл свою лавку, не дожидаясь, когда пение муэдзина призовет правоверных на молитву. До намаза было еще не меньше десяти минут, но Абдул стал стар, кости болели и пригибали его к земле, поэтому, как и каждый день, он вышел пораньше. Пока силы не оставят его, Абдул будет ходить молиться в мечеть. Он не намерен расстилать молитвенный коврик у лавки подобно менее благочестивым соседям. А поскольку торговец жемчугом оказался в этот час единственным человеком на улице, он и стал единственным свидетелем произошедшего у него на глазах убийства.

Молодой турок и бегущий за ним здоровенный мужчина в черном пронеслись перед носом Абдула, не обратив на него ни малейшего внимания. Еще немного, и они свернули бы за угол, скрывшись из виду, и тогда торговцу жемчугом не пришлось бы наблюдать этот кошмар. Но в самом конце улицы здоровенный настиг свою жертву и почти рассек турка надвое оказавшейся у него в руках кривой саблей. Мгновенно обшарив тело, он нашел какую-то бумагу и, не оглядываясь, побежал прочь. Турок остался лежать там, где его настигла смерть. Ручеек крови заструился вниз по булыжной мосто-

вой, и мухи уже слетались со всех сторон на нежданное угощение.

Абдул ибн Месих понял, что после увиденного он не может идти в мечеть. Под раздававшиеся с высоты многочисленных минаретов призывы муэдзинов он разложил молитвенный коврик позади своей лавки и преклонил колена, размышляя о том, как много времени прошло с тех пор, когда он виделся со своей дочерью в деревне. Скоро она должна приехать погостить у отца; хорошо бы подольше.

В тот же день, но чуть позже, еще два секретных курьера Джамиля Решида были убиты, так и не успев покинуть Барику. Первый был отравлен в кофейне, тело второго нашли в зарослях одной из городских аллей. Стрела, сразившая несчастного, накрепко застряла в его горле.

Вечером четверо путников на верблюдах выехали через западные ворота Барики в направлении Алжира. Ехавший впереди был тоже дворцовым курьером, и миссия его завершилась столь же плачевно. Трое следовавших за ним наемных убийц быстро сокращали отделявшее их от очередной жертвы расстояние и наконец настигли ее. Этот курьер умер так же быстро, как и все предыдущие.

Убивший его грек-мусульманин был из тех, кто будто рождается для подобной кровавой работы. Двое его спутников, братья-арабы, принадлежали к старинному семейству, известному преданностью деям Барики. Они не могли не испытывать некоторого смятения из-за причастности к ночной

трагедии. Этого курьера, правда, они сами не убивали, но несколькими днями раньше старший брат убил другого.

Братья были столь же виновны, как грек, столь же грешны, как прочие наемные убийцы. Как и всех других, в случае обнаружения их ждала плаха палача. Возможно, рисковать собственными головами и честью семьи за кошель с золотом было вершиной глупости. Но и цена отхода с пути праведного была соблазнительна – кошель с золотом был весьма тяжел. Они решили рискнуть, и ощущение обретаемого богатства сейчас с лихвой перевешивало чувство вины.

Лесандр, так звали грека, пошарил в одежде убитого, нашел письмо, развернул его и начал читать, напрягая зрение при тусклом свете луны. Из груди злодея вырвалось рыдание. Было видно, что он с удовольствием бросил бы бумагу на землю и втоптал ее в пыль. Но грек, конечно, сдержал этот порыв.

– То же самое, – сказал Лесандр, передавая послание старшему из братьев.

– А ты думал, что увидишь что-то другое? – спросил младший араб.

– Надеялся, – коротко ответил грек. – Существует еще один кошелек для того, кто найдет настоящее письмо. Я бы хотел, чтобы он достался мне.

– Так же как и все мы, – добавил старший брат. – Но *он* захочет взглянуть и на это, – продолжал он, аккуратно пряча бумагу в складках своей одежды. – *Он* разыскивает каждое

послание, все равно, такое же оно, как и все остальные, или другое.

Кто такой *он,* говорить не требовалось. Собственно, ни один из них и не мог произнести его имя: они его просто не знали. Никто как следует не видел *его.* Более того, они даже не знали, был ли *он* с теми, кто желает, чтобы Джамиль Решид умер, или участвует в каком-то другом деле. Но *он* был тем, кто так щедро платил им за каждое письмо, которое пытались доставить куда-то дворцовые курьеры.

Было, однако, нечто обескураживающее в происходящем. Будто приманку отправлял дей одного за другим все новых и новых преданных ему людей. Все они везли одно и то же письмо, даже не письмо, а записку, состоящую из трех написанных по-турецки фраз: «Вы получите мои приветствия. Нужны ли дополнительные объяснения? Мне никогда не забыть Вас».

На записках не было ни подписи, ни адреса. Их мог отправлять любой из находящихся во дворце в любое место на земле. Для отправителя они не представляли опасности. Скорее это была скрытая угроза для наемных убийц, которые, читая их, не могли не вспоминать о том, что у мести дея длинные руки. Возможно, это было вовсе не то письмо, которое должны были вывезти из Барики. А может, и сами курьеры были просто уловкой, чтобы обмануть убийц и отвлечь их от новых покушений на жизнь самого дея.

Первый курьер, которого удалось схватить, клялся, что

ему поручили доставить письмо англичанину по имени Дерек Синклер. Но даже если это было правдой и дей действительно знал человека с таким именем, что могло сказать этому англичанину подобное письмо? Зачем терять столько людей, пытаясь его доставить? Поэтому убийцы считали, что существует другое послание, которое они и должны обнаружить. Оно может быть предназначено для дея Алжира, или бея Туниса, или даже для самого султана в Истамбуле. Это послание с просьбой о помощи. Хотя что может сделать любой из этих союзников, если ни один из них даже не догадывается, кто стоит за попытками убить дея.

Лесандр сел на своего верблюда.

– Думаю, этого оставим на прокорм стервятникам, – сказал он, взглянув на труп только что убитого им человека. – Я не привык оставлять следы, тем более покойников. Есть множество способов избавиться от них.

– К чему ты привык, не имеет значения. Он хочет, чтобы во дворце знали, что курьерам не удается выполнить поручение. А как дей узнает об этом, если не найдут трупы?

– Это пустая трата времени, если хотите знать мое мнение, – выпалил Лесандр, больше не стараясь скрыть своего раздражения. – Я, пожалуй, рискну и сделаю свою работу прямо во дворце. Кто знает? Может, мне повезет и я сумею заработать самый большой кошелек, тот, который причитается за голову Джамиля Решида.

Отъезжая, грек засмеялся. Братья обменялись красноре-

чивыми взглядами. Оба не сомневались, что вряд ли вновь увидят Лесандра живым, если он попытается проникнуть во дворец. После четырех покушений на жизнь дея того охраняли усерднее, чем когда-либо раньше. Любой, кто попытается убить Джамиля Решида, подпишет смертный приговор самому себе. А если до того как казнить, этого неудачника подвергнут пыткам, он начнет называть имена. Не *его* имя, оно неизвестно. Грек, к примеру, может сказать о тех, кто был с ним в эту ночь.

Лесандр в Барику не вернулся. Он был прав, существует много способов надежно избавляться от трупов, в том числе и от его собственного.

– Ты понимаешь, чем рискуешь?

Али бен-Халил в ответ кивнул. Перед сидящим напротив него человеком он испытывал благоговейный страх. Когда на базаре Али сунул свою записку в руку дворцового евнуха, он, конечно, рассчитывал на встречу с кем-то из дворца. Но не с главным же министром Джамиля Решида, великим визирем, да хранит его Аллах! Почему он пришел сам? Что же такого важного было в этих письмах, из-за которых погибло столько людей и сам великий визирь Омар Хассан сидел здесь и задавал вопросы Али?

Омар Хассан пришел переодетым в простой бурнус наподобие тех, что надевают в пустыне берберы. Зато вряд ли кто мог узнать в нем второго человека Барики. Он внимательно

расспрашивал Али о причинах, заставивших его предложить свои услуги. Неужели тот и в самом деле готов рискнуть жизнью из-за женщины? Но так оно и было. Бедняк Али любил рабыню. Хозяин готов был продать ее, но только за хорошую цену. Где мог взять Али столько денег, если путь преступника был для него неприемлемым? Только на службе у дея.

Однако погибать при выполнении опасного задания он вовсе не собирался. Али рассчитывал, что сможет сделать то, что не удалось до него многим другим. Он не был слугой дея, да и вообще никоим образом не был связан с дворцом. Все знали Али как обыкновенного продавца шербета. Кто заподозрит в нем одного из дворцовых посланцев? Из тех же соображений молодой человек не хотел идти во дворец, чтобы предложить свои услуги, а настоял на встрече в доме танцовщиц. Более того, он спрятался в нем за два дня до назначенного срока, а уйдет лишь спустя другие два дня. Весьма вероятно, что кто-то выследит Омара Хассана, несмотря на его маскировку, а затем постарается проследить и за всеми теми, кто покинет дом танцовщиц в вечер его посещения.

Великий визирь пребывал в нерешительности. Ему нравился план Али бен-Халила. Но принять его он опасался, так же как и отклонить. Али был молод, на вид года двадцать два. Темно-каштановые волосы и карие глаза подтверждали его рассказ о берберском происхождении. А бледно-оливковый цвет кожи и тонкие черты лица молодого человека позволяли предположить, что в плену у его предков бывали и

белокожие рабыни. То, что он не выполнял раньше такого рода поручения, тоже было неплохо. Однако…

Еще неделю назад Омар не колеблясь вручил бы письмо очередному курьеру. Но как раз вчера Джамиль загнал его в угол, прямо спросив, сколько их уже было отправлено. Что мог ответить Омар? Правду? Но как произнести эту чудовищную цифру? Джамиль мог разгневаться. Ведь он спросил еще тогда, когда курьера посылали в первый раз. Это была идея Омара, и хорошая идея, как он и сейчас полагал. Однако и задуматься было над чем. Так много смертей, и ради чего? Возможно, что к тому времени, когда письмо принесет какие-то результаты, все уже будет кончено. Стоящего за попытками покушений найдут и сделают с ним то, что положено.

Помоги им Аллах, поскорее бы! Джамиль не из тех людей, которые легко переносят ограничения. Постоянное ощущение опасности и безрезультатность попыток узнать, кто враг, уже сказались на нем. Будь он старше, был бы, возможно, и поспокойнее. Но дею всего двадцать девять лет. Только семь из них он был правителем Барики, взойдя на трон после смерти старшего сводного брата, снискавшего при жизни недобрую славу тирана.

Правление Джамиля было благотворным для Барики. Его незаурядная политическая мудрость, чувство чести и справедливости, постоянная забота о благе подданных принесли

процветание Барике и любовь жителей к дею. Вот почему Омар готов был сделать все, чтобы оградить жизнь Джамиля от опасности, даже если для этого придется принести в жертву жизни сотен преданных ему людей и этого наивного юноши, который сидел сейчас перед ним. Да и почему он должен колебаться, в конце концов?

Омар Хассан бросил деньги и даже позволил себе улыбнуться, заметив, как широко раскрылись глаза Али, когда кошелек тяжело шлепнулся на стол.

– Это на расходы, – объяснил великий визирь. – Здесь достаточно, чтобы купить любой корабль и нанять команду. Но ты не должен впадать в крайности. Небольшой шебеки[1], весьма быстрой, будет вполне достаточно для твоих нужд. – Еще один кошелек был таким же тяжелым, как и первый. – А это за твою работу. Получишь еще такой же, если сумеешь доделать ее до конца. – Омар снова улыбнулся, так как глаза Али стали совсем круглыми. Но затем визирь заговорил серьезно: – Запомни, даже если тебе повезет, ты не должен возвращаться в Барику как минимум шесть месяцев.

Это было единственное, что не мог понять Али в своем поручении. Но задать вопрос великому визирю он не решился.

– Да, мой господин!

– Прекрасно. О своей женщине не беспокойся. Во время твоего отсутствия я сам прослежу, чтобы ее не продали дру-

[1] Шебека – тип парусного судна на Средиземном море. – *Примеч. пер.*

гому и хорошо обращались с ней. А если не вернешься, я позабочусь и о ее будущем.

– Благодарю, мой господин!

Разговаривать больше было не о чем. Омар Хассан протянул письмо новому курьеру.

Глава 2

«Моя дорогая Элен!

Не сочти это за жалобу, но ты не ответила на мое последнее письмо. Что-нибудь случилось? Уж не заболела ли ты? Ты же знаешь, как я волнуюсь, когда долго не получаю твоих писем. Теперь, когда у твоей племянницы траур закончился, вы, должно быть, стали выезжать. Я надеялась, что ты напишешь мне об этом подробно.

Шантель все еще у тебя, не так ли? Ну конечно же, ведь у них ее нет. Тебе, наверное, некогда писать, потому что ты готовишь ее к выходу в свет. Это я понять могу. Она чудесная девушка. Должно быть, все окрестные женихи бегают за ней. Есть ли достойные ее? Хотя, дорогая, это не имеет значения. Ей будет из кого выбрать здесь, в Лондоне, когда она приедет. Жду не дождусь новой встречи с тобой и любезной Шантель.

Ты знаешь, муж моей дочери…»

Элен Бурк опустила письмо на колени и потерла глаза. Как же скучно читать письма Марж Криг. Элен недоумевала, как эта женщина умудрялась исписать десять – двенадцать страниц полной чепухой. Но каждый раз было одно и то же. Только подумать, всего год совместной учебы в школе, и вот – каждые несколько месяцев по такому письму, полному нелепых сплетен. Но ей приходилось их читать, ведь никогда не

знаешь, где Марж напишет что-нибудь полезное.

Она пробежала глазами еще несколько страниц, пока не уперлась в подчеркнутое слово *они*. Элен, видимо, не следовало описывать своих американских кузенов-выскочек кому-либо, особенно Марж Криг. Теперь подруга чувствовала себя вправе при каждом удобном случае поиздеваться над приехавшими из Америки Бурками. В принципе Элен была согласна почти с каждым ее словом. Но не Марж Криг бы говорить это.

> «…Меня не удивило, что они так рано появились в городе. Как я слышала, твой кузен Чарльз уже успел в клубах всем надоесть, да и его сын Аарон тоже. Это просто ужасно, что старшую из незамужних дочерей они вывели в свет в прошлом сезоне. Им всем следовало соблюдать траур, как это делали вы с Шантель. Но в этом году им удалось оплатить ее пребывание в Алмаксе. Хотела бы я знать, чьи деньги пошли на это. Ведь хорошо известно, что Чарльз унаследовал от твоего брата только баронетский титул, а не его состояние. Знает ли Шантель, как они тратят ее деньги? Как мог твой брат назначить ее опекуном такого вероломного человека?»

В порыве совершенно несвойственной ей ярости Элен скомкала письмо и бросила его в мусорную корзину, стоящую у ее стула. То, что она давно подозревала, таким образом, оказалось правдой. Чарльз Бурк был не только безответственным опекуном, но еще и вором. Неудивительно, что

он не отвечает на ее письма. Он не решается!

Господи! Что им делать? Да и что вообще можно сделать? До тех пор, пока Шантель не выйдет замуж или не достигнет совершеннолетия, кузен Чарльз вправе распоряжаться и ее наследством, и ею самой. Но совершеннолетней Шантель станет только через два года, а выйти замуж без разрешения опекуна она не может. Не исключено, что от скромного наследства, доставшегося Шантель от отца, может остаться очень мало или вовсе ничего. Даже дом у нее отобрали. Вместо того чтобы поселиться в маленьком баронетском поместье в Саквиле, Чарльз со своей многочисленной семьей переехал в большой фамильный особняк Бурков в Дувре, относительно которого в завещании не было специальных указаний, и принадлежать он, следовательно, мог только прямой наследнице – Шантель.

К счастью, Шантель пока не просилась домой, но Элен очень сомневалась, что ей когда-нибудь будут рады в Дувре. Девушка переехала к Элен сразу после смерти отца, еще до того, как его единственный родственник-мужчина прибыл в Англию со своей американской семьей. Они навестили ее только один раз.

Шантель тогда была слишком подавлена горем, чтобы присмотреться к ним, а вернуться домой они даже не предложили.

Нынешнее положение было, видимо, идеальным для Чарльза. Еще бы! Он не давал совершенно никаких денег

на жизнь Шантель. А ведь это были ее деньги. Вероятно, он считал, что у Элен достаточно средств для них обеих, а может, ему это было просто безразлично. Ей следовало бы уже давно поставить его на место. Гордость гордостью, но ведь сыта ею не будешь. Ее собственное отцовское наследство уже значительно поуменьшилось, и скромного дохода от него едва хватает ей одной. Между тем прошло несколько месяцев, а Чарльз так и не ответил ни на одно из ее писем. Он теперь снова в Лондоне. Тратит деньги Шантель на свою семью, а Элен собирает по крохам и распродает семейные ценности. Лишь бы только Шантель не узнала правду о том ужасном положении, в котором она оказалась из-за завещания своего отца.

Честно говоря, думала Элен, брат не виноват. Когда старший кузен, наследник баронетства, умер, Оливер приложил все усилия, чтобы разыскать младшего кузена, который стал претендентом на титул. Разве он мог предвидеть, что умрет раньше, чем отыщется Чарльз. Не знал Оливер и то, каким мерзавцем был младший кузен, иначе, конечно же, оставил бы более благоприятные для Шантель распоряжения. Но он этого не сделал, а потому Чарльз, как единственный мужчина в семье, стал ее законным опекуном.

Хорошо уже то, что у Шантель была Элен. При разнице в возрасте в двадцать лет девушка была для нее как дочь, хотя ранее тетя в ее воспитании никогда не участвовала. Когда Шантель была маленькой, Элен много путешествовала. Поз-

же, решив обосноваться на одном месте, она была уже слишком самостоятельной, чтобы возвращаться домой, где жил со своей семьей брат. Она купила дом в Норфолке и прожила там последние десять лет. Ее это вполне устраивало. Но она совсем не была против того, чтобы Шантель после смерти отца приехала к ней. Ей нравилась эта девушка.

Своих детей у Элен не было, может быть, именно поэтому она чувствовала такую привязанность к племяннице. Элен была женщиной тридцати девяти лет, с довольно обычной внешностью и светло-каштановыми волосами. Но прекрасные голубые глаза придавали ее лицу истинное обаяние. Выходить замуж Элен не хотела никогда, хотя мужененавистницей вовсе не была. Ей несколько раз делали предложения, были и любовные романы, о которых она вспоминала с удовольствием. Просто ей не хотелось жить постоянно ни с одним из встречавшихся ей мужчин – слишком дорога была независимость.

Было, наверное, не слишком разумно оставлять Шантель у себя на эти полтора года. Девушка за это время тоже привыкла к свободе. Это было хорошо для женщины, которая не собиралась связывать с кем-либо свою судьбу, а Шантель должна выйти замуж.

В отличие от Элен, унаследовавшей заурядную внешность Бурков, Шантель выглядела, как одинокий цветок в охапке сорняков. Ей многое досталось от французской линии семьи, которую представляла ее мать. Оливер неоднократно заяв-

лял, что дочь была точной копией своей бабушки – фаворитки короля, блиставшей красотой при французском дворе. Шантель и назвали в ее честь. Со своими светлыми, отливавшими серебром волосами и поражающими воображение глазами цвета весенних фиалок девушка и впрямь не походила ни на кого из Бурков. Ее нельзя было назвать маленькой и хрупкой, но и слишком высокой при пяти с половиной футах роста она не была. Шантель уже была весьма привлекательна, возможно, даже излишне, чтобы быть обойденной мужским вниманием в будущем. Ей будет из кого выбирать. Она сможет найти хорошего мужа, если… если, конечно, при таком опекуне, как Чарльз Бурк, она вообще имеет шансы на счастье.

Элен вздохнула. Если этот человек не ответит на ее письмо в ближайшее время, придется серьезно подумать о том, чтобы самой отвезти Шантель в Лондон. Девушка должна появиться в обществе в соответствии со своим положением и состоянием. Если Чарльз откажет ей в этом, а похоже, что так оно и будет, он приобретет опасного врага в лице Элен. У нее еще достаточно влиятельных друзей в Лондоне, чтобы доставить массу неприятностей американскому кузену, который не выполняет своих обязанностей.

– Тетя Элен, я вернулась! – раздался из кухни голос Шантель, и через мгновение она вошла в гостиную. – Я выбрала отличный кусок мяса на обед и почки на завтрак. Да! Миссис Смит опять просила передать вам, – девушка закатила гла-

за, – что, если вы будете и дальше посылать меня на рынок, она очень скоро разорится.

– И поэтому ты улыбаешься?

Шантель дерзко усмехнулась.

– На прошлой неделе у нее голова от меня раскалывалась. На этой – я ее разоряю. Интересно, в чем меня обвинят на следующей?

– Может быть, в бессоннице? На меня она за это уже ворчала.

Шантель засмеялась.

– Она замечательная! Я не встречала другого, кто торговался бы с таким удовольствием, как она.

– А ты сама?

– Да, это немного развлекает меня, – сказала девушка, оправдываясь. Она ведь даже охрипла, пытаясь в течение часа получить кусок мяса по более низкой цене. Покупать на рынке продукты по ценам даже более низким, чем добивались преуспевшие в искусстве торговаться постоянные покупатели, превратилось для нее в своего рода соревнование. – А к тому же посмотрим сейчас, сколько я сэкономила.

Элен опустила глаза. Так, Шантель уже знала, что необходимо экономить. Проклятый Чарльз Бурк!

– Извини, дорогая…

– Что вы, тетя Элен! Скоро Чарльз пришлет деньги, которые я у него просила, и они покроют все ваши расходы.

– Ты написала ему?

– Конечно. Мне следовало это сделать раньше, как только я поняла… Ну, во всяком случае, скоро я все улажу. Кстати, сегодня не было письма?

– Нет, сегодня не было, – ответила Элен, испытывая неловкость из-за всех этих усилий, предпринимаемых племянницей. Как еще среагирует Чарльз, когда получит требования сразу от них обеих?

– Ну, значит, скоро придет, – с веселой уверенностью сказала Шантель. – Не сможет же он и теперь игнорировать мое существование, да, тетя?

Он не сможет? Да он только этим и занимался все последнее время. Но о том, что он однажды обратит на них внимание, обеим женщинам еще предстояло пожалеть.

Глава 3

Шантель заперли в комнате. Но пока ее это не очень волновало. Ей и раньше приходилось выбираться через окно. И хотя с тех пор прошло уже немало лет, девушка знала, что сможет сделать это еще раз. Просто она была не вполне готова. Нужно дождаться, пока в доме все стихнет, собрать вещи и хорошенько все продумать. Но главное, необходимо успокоиться. В данный момент она была так взбешена, что, казалось, могла бы убить Чарльза Бурка.

Домой она приехала только сегодня, но чувство гнева не покидало ее чуть ли не целую неделю, с того самого момента, когда наконец от Чарльза пришло письмо. Вместо денег, которые она так ждала, Шантель получила распоряжение немедленно возвращаться в Дувр. Этот высокомерный идиот даже не удосужился прислать сумму, необходимую для путешествия. Элен пришлось продать очередную драгоценность. Это и переполнило чашу терпения девушки. Шантель была в ярости. Она даже не стала ждать, когда Элен закончит со своими домашними делами, чтобы отправиться с ней, и уехала на следующий же день, несмотря на возражения тети. У нее было много вопросов к Чарльзу. Прежде всего ему придется ответить, почему он бросил ее на попечение тетушки Элен, которая не имела необходимых для этого средств. Но вышло все совсем не так, как она себе представляла.

Ее будто посетительницу провели в гостиную. Дворецкий был ей незнаком. Да и ковры, и вся мебель были новыми. Она и впрямь почувствовала себя в собственном доме гостьей.

Клан был в сборе. Шантель помнила их всех по тому единственному визиту, который они нанесли ей в Норфолке вскоре после своего прибытия в Англию. Каких-то слишком заметных перемен в них на первый взгляд не произошло. Но тогда это были бедные родственники, приехавшие из Америки, чтобы выразить свои соболезнования, и понимавшие разницу между собой и Шантель. Шантель была настоящей леди и по рождению, и по воспитанию, в то время как даже Чарльз не мог похвастаться своим происхождением, по крайней мере до последнего времени.

Чарльз был младшим сыном дядюшки отца Шантель, не поднявшегося за свою жизнь выше подручного плотника. Титул же баронета был пожалован королем родному деду Шантель, который был к тому моменту уже достаточно богат, и именно его состояние перешло в наследство девушке. Сам Чарльз тридцать лет назад бежал из Англии, спасаясь от судебного процесса, которым грозили ему многочисленные кредиторы.

Сейчас, глядя на него, в это невозможно было поверить. Он и все члены его семейства были разодеты по последней моде. Они прямо излучали какое-то высокомерие, обретенное вместе с неожиданно свалившимся на них богатством. Выглядел Чарльз старше своих сорока девяти лет. Это был

довольно высокий человек с характерными для всех Бурков голубыми глазами и бледным лицом, обрамленным каштановыми волосами.

Рядом с Чарльзом стояла его рыжеволосая жена – Алиса. Как запоздало сообщил поверенный отца, она была дочерью владельца таверны в Виргинии, той самой, в которой нынешний опекун Шантель после приезда в Америку был в услужении. Были здесь и две их дочери – четырнадцатилетняя Марша и ровесница Шантель – Джейн. Унаследованные от матери рыжие волосы придавали им вид простушек, и даже карие глаза не могли изменить их облик к лучшему. Имелась еще и старшая сестра, но она предпочла остаться в Америке со своим новым мужем, вторым, как говорилось в докладе того же поверенного. Аарон, сын Чарльза, привез с собой в Англию жену Ребекку и двух малолетних детей – все они тоже были здесь.

Подумать только, если бы ее тетушка тоже не жила на берегу моря, она давно бы уже вернулась в свой дом, где обосновалась теперь эта шайка мошенников. Может быть, раньше они бы ей даже понравились, особенно дети, которые с благоговением взирали на все, что их теперь окружало. Она бы могла показать им пляж за дуврскими скалами. В детстве это было любимым местом ее игр. Она собирала там ракушки, плавала, ходила под парусом с отцом, обследовала пещеры, а иногда просто часами сидела на скалистом берегу и ждала, не появится ли вдруг какой-нибудь корабль.

Да, если бы от тетушкиного дома берег моря не находился так близко, что до него можно было дойти пешком, ей бы его очень не хватало. Скорее всего тогда бы она приехала в Дувр раньше, до того как Чарльзу взбрело в голову выдать ее замуж за первого встречного, каковым оказался годившийся ей в дедушки Сайрус Волридж.

Он тоже был здесь, этот старый развратник, который с вожделением смотрел на нее в течение всего разговора. Шантель встречала его раньше. Он жил от них в четверти мили. Она частенько видела его в церкви, где он похрапывал во время службы, а выйдя затем на церковный двор, стрелял глазами в сторону молодых женщин. Ее горничная Эмили называла его всегда паршивым старикашкой. И вот теперь первыми словами, с которыми обратился к ней Чарльз, были:

– Шантель, моя дорогая. Познакомься со своим женихом. Мистер Волридж. Утром вы станете мужем и женой.

В ответ Шантель рассмеялась, так это было нелепо. Сайрус Волридж, однако, даже не обиделся. Он просто сидел и улыбался, совершенно уверенный в том, что утром все будет именно так, как сказал опекун. Взгляд его заставил похолодеть Шантель, и мысли ее стали более четкими.

– Это плохая шутка, сэр, и в дурном вкусе, – сказала девушка, обжигая американского родственника светом своих фиалковых глаз.

– Уверяю тебя, святое таинство не может послужить мне поводом для шуток, – ответил тот.

Только впитанное с молоком матери чувство собственного достоинства заставило Шантель собраться и не накричать на него.

– Тогда объявляю вам, сэр, что я отказываю мистеру Волриджу.

– Ты не можешь, моя дорогая, – ответил Чарльз с натянутой улыбкой, одновременно кивнув мистеру Волриджу, как бы принося извинения. – Я уже принял это предложение от твоего имени.

Затем он говорил, что у нее нет права выбора, что им вовсе не требуется ее согласие, поскольку она несовершеннолетняя, и единственное, что нужно для того, чтобы выдать ее замуж, это решение опекуна. Это было уже слишком. Тем более что все присутствующие пристально смотрели на нее и, казалось, получали удовольствие от происходящего. Правда, исключая Аарона, который как будто даже возмущался. Позже от Эмми Шантель узнала почему.

Горничная Эмми сопровождала Шантель в Норфолк, но пробыла там не больше месяца. У нее заболела мать, и она вынуждена была вернуться, а потом уже решила не ехать снова в слишком тесный для троих дом Элен. Она возвратилась на работу в дуврский дом, к новым хозяевам. Вечером, принеся Шантель еду, она задержалась у нее довольно долго и в разговоре предупредила, что намерение Бурков выдать девушку замуж более чем серьезно.

Оказывается, в семействе был целый скандал из-за Ааро-

на. Им казалась прекрасной идея женить его на Шантель. Но он, к несчастью, уже был женат. Заговорили даже о возможности развода. Но тут страшный шум подняла Ребекка, и с тех пор у Аарона с женой явно не ладятся отношения.

Новости эти, однако, мало что давали Шантель, которая не знала, как разрушить имеющиеся в отношении нее планы Бурков. Девушка была в бешенстве и не старалась скрывать это. Кончилось тем, что ее решили запереть. «Пусть посидит одна в комнате и подумает. Утром все равно станет женой мистера Волриджа» – так или примерно так думали они. Но ее-то здесь не будет! Шантель знала это точно, хотя, где она окажется утром, было пока загадкой и для нее.

К полуночи Шантель немного успокоилась и была уже в состоянии хладнокровно обдумать свой план. Через несколько часов приготовления к побегу закончились. Самое главное – выбраться из дома и где-то спрятаться, а уж потом можно решать, что делать дальше. Она знала отличное место – пещеры. В них даже могли сохраниться вещи, принесенные ею в детстве: одеяла, светильник, посуда, ее коллекция ракушек. Одеяла очень бы пригодились девушке. В пещерах она собиралась провести остаток ночи и весь следующий день, пока Бурки будут тщетно прочесывать окрестности. А завтра ночью она уедет из Дувра. Куда, Шантель еще не решила, скорее всего в Лондон. Там легче устроиться, возможно, с помощью кого-нибудь из друзей тетушки. Да и с самой Элен оттуда легче связаться. Хотя следует пом-

нить, что Чарльз начнет свои розыски с Норфолка, а значит, следует затаиться. Но никто не помешает ей подыскать в это время какое-нибудь занятие.

Впервые за день Шантель улыбнулась. Именно пока она жила у тетушки, у нее появилось это качество, за которое она была сейчас благодарна Элен. Ведь еще год назад Шантель приняла бы ту участь, которую приготовил ей Чарльз, безропотно. Но сейчас ни за что!

И все же то, что произошло, обескуражило Шантель. Отец обожал и баловал ее. Стараясь хоть как-то восполнить девочке раннюю потерю матери, он окружил ее заботой и вниманием. Она ни в чем не знала отказа. Необходимости принимать самостоятельные решения у нее просто не было. Конечно, позже, когда Шантель жила у тетушки, ей пришлось отказаться от ставшей уже привычной роскоши. Но это не было для нее лишением. Да, у нее не было слуг, и ей приходилось самой готовить, убирать в доме и ходить на рынок за продуктами. Однако девушка относилась ко всему этому как к своего рода развлечению. Возможно, будь на месте Элен кто-то другой, Шантель и почувствовала бы себя обойденной судьбой. Но тетушкой ее была Элен, которую она очень любила и считала особенной женщиной. У нее было чему поучиться. Тетушка повидала мир. Она была независимой. Она была не из тех, кто не задумываясь выбирает единственное, пусть и праведное решение. Элен всегда просчитывала все варианты – хорошие и плохие.

О, если бы Шантель послушалась ее и подождала, пока Элен сможет поехать с ней в Дувр. Тетушка была старше и опытнее и обязательно бы что-нибудь предприняла. Но можно ли было что-то сделать? Шантель разбиралась в законах. Никто не в состоянии исправить ситуацию, если опекун твердо решил выдать ее замуж за старого Волриджа. Воспрепятствовать этому невозможно. Единственный выход для нее – исчезнуть на два года, до совершеннолетия, и надеяться, что Волридж откажется от свадьбы, если невеста будет отсутствовать.

Если даже от ее наследства к тому времени ничего не останется, а, судя по рассказу горничной о том, как Бурки тратят ее деньги, это весьма вероятно, все равно это единственный шанс. Гораздо хуже, если ей придется выйти замуж за Сайруса Волриджа. Вот этого надо избежать во что бы то ни стало. Но, Бог свидетель, Бурки ответят Шантель за все, что они растратят, когда она вновь появится здесь. Им придется заплатить! Впервые в жизни Шантель не нравился кто-то до такой степени, что ее чувства можно было назвать настоящей ненавистью. Это противоречило самой природе девушки. Но за то, что они пытались сделать с ней, к чему принудить, они заслуживали и худшего.

Девушка собрала в узелок необходимую одежду, кое-какие вещи и остатки денег, которые Элен дала ей на дорогу. Бросив его в окно, она забралась на подоконник. К счастью, уже приближалось лето, и ей не было холодно в тонком

муслиновом платье, юбку которого она подвязала на талии, чтобы легче было спускаться вниз. Удачей можно было считать и то, что на небе виднелся лишь серп молодого месяца. При тусклом свете легче будет незаметно скрыться. Было приятно осознавать, что в такой ситуации ей хоть в чем-то везло. Но вот и первое препятствие. В своих расчетах Шантель не учла такой простой истины, что с тех пор, как она последний раз покидала дом через это окно, прошло много лет и деревья успели вырасти. То хорошо знакомое ей дерево, до которого всегда было так легко дотянуться, стояло на прежнем месте, но оно изменилось до неузнаваемости. Ветка, почти касавшаяся раньше нижнего края окна и позволявшая ей легко выбираться, теперь находилась высоко над головой. Даже встав на цыпочки, Шантель не смогла дотянуться до нее. Другая, та, что пониже, возможно, и заменит свою сестру через несколько лет, но сейчас ей для этого недоставало фута три. Таким образом, чтобы спуститься по дереву, надо было сначала прыгнуть на эту нижнюю ветвь.

Лет десять назад Шантель бы не стала колебаться – дети редко думают о последствиях своих поступков. Но сейчас девушка осознавала, что вполне может сломать себе шею или в лучшем случае – кости, если не успеет при прыжке ухватиться за ветку. И все же она прыгнула. Сумела она ухватить и конец ветви. Но не успела Шантель обрадоваться, как под ее тяжестью ветка с треском сломалась, и беглянка полетела куда-то вниз, пока не ощутила удар о широкий ствол дере-

ва. Даже не вскрикнув, девушка разжала пальцы. Она упала с восьмифутовой высоты и покатилась по земле. Последующие несколько минут она лежала не двигаясь, ощущая боль в разных частях тела, и молилась Богу о том, чтобы не было серьезных травм. Когда Шантель наконец решилась встать, она вздохнула с облегчением: переломов не было, хотя синяки на колене и бедре будут, конечно, ужасны. Ей потребовалось еще мгновение, чтобы собраться с силами. Затем она выпрямилась и развязала юбку.

Она сделала это! Она была свободна! Не теряя больше времени, Шантель подобрала свой узелок и медленно пошла к скалам, прочь от дома. Местность была хорошо ей знакома. Даже при полной темноте она сумела бы найти крутую тропку, спускающуюся к берегу, по которой можно было добраться до пещер.

Шантель ускорила шаг и через пять минут оказалась у скал. Вот она уже бежит вниз по крутой тропинке, вдыхая теплый соленый воздух и слушая шелест разбивающихся о берег волн. Опасности быть увиденной из дома больше нет. Им и в голову не придет искать ее здесь. Это было любимое место ее детских игр. И только здесь она почувствовала, что вернулась в родной дом. Ведь тот особняк, из которого она только что убежала, был сейчас для нее чем угодно, только не местом, где она родилась и которое любила.

Однако похоже, что и этот ее «родной дом» тоже был полон разбойников. Достигнув узкой полоски берега, Шантель

обнаружила, что ярдах в двадцати от нее находится небольшая лодка, около которой вырисовывались контуры трех человек. Контрабандисты? Не исключено. По крайней мере, судя по тому, что люди эти не разжигали огня, это были не рыбаки. Но кем бы они ни были, девушка предпочла остаться незамеченной. Она медленно отступала вверх по тропинке, рассчитывая укрыться в зарослях ежевики или среди густых деревьев, растущих неподалеку.

План этот, наверное, удался бы, если б не одно обстоятельство: помимо мужчин на берегу, было еще двое. Они далеко отошли от берега, чтобы убедиться, что ночная высадка прошла незамеченной. Отступая, Шантель наткнулась прямо на одного из них.

Увидев мужчину, девушка буквально остолбенела, а когда пахнущая рыбой рука закрыла ей рот, кричать было уже поздно. Она решила, что для осуществления ее плана будет лучше рассказать этим людям обо всем подальше отсюда, и поэтому не слишком сопротивлялась, пока ее тащили к лодке.

Месяц совершенно скрылся с ночного неба как раз в тот момент, когда Шантель оказалась у воды, рядом с теми тремя, которых она увидела первыми, и это походило на зловещее предзнаменование. Из-за почти полной темноты она не могла рассмотреть лица мужчин, чтобы узнать, есть ли среди них кто-нибудь из соседней деревни. К тому же рука одного из них продолжала зажимать ей рот, и сказать что-то

она все равно не могла. Девушка начала ощущать серьезное беспокойство, которое еще больше усилилось, когда мужчины вдруг заговорили на каком-то тарабарском языке и она не могла понять из их речи ни слова. Единственное, что не нуждалось в переводе, был смех, раздавшийся в конце их беседы, от которого беспокойство Шантель переросло в настоящий страх.

Девушка попыталась вырваться. Но было уже поздно. Для пяти мужчин, а к этому времени к лодке подошел и пятый, не составило большого труда затащить ее в свое суденышко. В рот Шантель засунули какую-то грязную тряпку и не менее полдюжины раз обвили ее тело веревкой, так что руками двигать она уже не могла. Вдобавок кто-то больно наступил ей босой ногой на живот, чтобы девушка не могла приподняться в лодке, пока в ней рассаживались трое его товарищей.

Пятый мужчина оттолкнул лодку, оставшись на берегу. Его отсутствие, конечно, ничего не меняло. Четверо в лодке продолжали говорить о чем-то на своем языке, по-прежнему загадочном для нее. Ногу с ее живота, правда, убрали, но она уже сама не пыталась приподняться, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Ей необходимо было все обдумать, хотя бы успокоиться. Должно же быть какое-то объяснение тому, что они увезли ее с собой, даже не попытавшись выяснить, что она делала ночью на берегу. Необходимо было все объяснить. Но кому? Не исключено, что ни один из них во-

обще не говорит по-английски, а на французский, который был для нее вторым родным языком, надежды еще меньше. Боже милостивый! Она не понимает их, а они ее. Как же выяснить, что происходит?

Впрочем, куда ее везут, Шантель выяснила очень скоро. Лодка подплыла к судну, высокая осадка которого позволяла ему бросить якорь совсем рядом с берегом. В одно мгновение все еще связанную девушку затащили на борт и бросили в темную каюту. Дверь за принесшими ее двумя моряками захлопнулась, и она оказалась почти в абсолютной темноте.

К счастью, связывавшая ее веревка была не так туго натянута. Раскачиваясь и извиваясь, девушка постепенно смогла освободиться от пут. Но как только она это сделала, дверь отворилась. Свет на мгновение ослепил ее. Шантель опять ощутила ужас: человек, стоящий перед ней, не был похож ни на одного из тех, кого она встречала до сих пор.

Это был смуглый мужчина, с непривычными чертами лица и крючковатым носом. Немного узкие, далеко поставленные друг от друга, его глаза округлились, когда он окинул девушку взглядом. Роста вошедший был небольшого, ниже ее, к тому же довольно тщедушный. Шантель, казалось, могла бы даже справиться с ним, если бы попыталась. Мысль эта должна бы ее немного успокоить, но не успокоила. На нем были свободные брюки. Голова обмотана белой тканью. И все. Больше на нем ничего не было, даже обуви.

Девушку оскорбляла его полуобнаженная фигура. Ее ко-

робило оттого, что он так уставился на нее. Но самое неприятное было, конечно, то, что она сама находилась здесь. Оказавшись сейчас лицом к лицу с этим человеком, она ощутила вдруг такое сильное негодование, что, о чудо, позабыла свой страх. Боявшаяся до этого пошевелиться, Шантель вспомнила о мешающем ей кляпе и вырвала его изо рта. Девушка даже могла заметить, что ткань, из которой его соорудили, очень напоминала ту, что обматывала голову вошедшего.

– Вы говорите по-английски? – спросила Шантель властным тоном. – Если нет, то лучше побыстрее приведите сюда кого-нибудь, кто говорит. Я требую…

– Я говорю по-английски.

Облегчение, испытанное ею при этих словах, заметно снизило желание нападать.

– Слава богу! Я уже начала бояться, что никто… Но послушайте, сэр. Произошла какая-то ошибка. Я немедленно должна увидеть старшего на этом корабле.

– Всему свое время, лалла, – усмехнулся моряк, показав белоснежные зубы. – Он тоже захочет взглянуть на вас, можете быть уверены. Клянусь Аллахом! Он будет в восхищении от подарка, который свалился на него прямо с неба.

Шантель вновь напряглась.

– Подарок? Какой подарок? Если вы имеете в виду меня…

– Конечно, вас, – сказал он, расплываясь в еще большей улыбке. – Вы принесете нам целое состояние…

– Но это абсурд, – оборвала его Шантель. – Вы не знаете,

кто я, и вам не может быть известно, есть ли у меня деньги для того, чтобы заплатить выкуп.

– Выкуп! – Он засмеялся с неподдельным весельем. – Нет, лалла, мы редко освобождаем женщин за выкуп, во всяком случае, не таких красивых, как вы.

Девушка отшатнулась, как будто ее ударили. Она не понимала. Вернее, она боялась признаться себе в том, что уже все поняла.

– Этот корабль, что он здесь делает? Почему вы привезли меня на борт?

– Вам нечего бояться, – постарался он успокоить ее, – никакого зла вам не причинят.

Но эти слова ее не успокоили, наоборот, паника все сильнее овладевала Шантель:

– Кто вы?

Он сделал шаг вперед, но она отскочила, не давая моряку приблизиться к себе. Страх девушки беспокоил Хакима Бекташа. Ему еще не приходилось иметь дело с пленниками, а эта пленница к тому же была не совсем обычной. С первого взгляда он угадал в ней аристократические черты, а ее властные манеры подтверждали его догадку. Перед ним была леди! То, в каком положении она оказалась перед тем как ее схватили, не имело значения. Даже имя ее было не важно, все равно будущий хозяин даст ей новое. А так как Хаким не знал толком, как надо вести себя с леди, он с перепугу и стал называть пленницу *лалла.* Впрочем, так всегда обращаются

у него на родине к знатным женщинам, даже если им предстояло стать рабынями.

Честно говоря, он не очень понимал, что ему следует делать. Помоги Аллах! Реис Мехмед, его капитан, считал, что от пленников не надо скрывать правду. Они должны иметь побольше времени на то, чтобы привыкнуть к своему новому положению. И почему только Хаким оказался единственным говорящим по-английски человеком на всем судне?

Прежде чем он успел что-либо ответить, корабль вздрогнул. Это находящиеся на палубе товарищи Хакима подняли якорь.

– Что это было? – вскрикнула Шантель, покачнувшись и вскинув руки, чтобы не упасть.

– Мы плывем.

– Нет! – закричала она. – Куда? Скажите мне, черт побери, что происходит?!

– Мы – корсары, лалла.

Она хорошо знала, что означает это ужасное слово. Необходимости в дополнительных разъяснениях не было. Но до конца случившегося с ней она не понимала еще несколько мгновений. Мысли в голове девушки были в таком смятении, что осознать сразу значение слышанного ею раньше слова «корсар» она была не в состоянии. Но когда смысл сказанного Хакимом наконец дошел до ее сознания, лицо девушки сделалось смертельно бледным.

– Пираты! Турецкие пираты!

Он пожал плечами.

– Пираты. Купцы. На Варварском берегу это одно и то же.

– Черта с два! Корсары – это торговцы белыми рабами!

– Случается время от времени.

– Значит, вы… Нет! О боже! Ко всему прочему еще и это!

Хаким был поражен яркостью красок, вернувшихся на ее лицо, и не очень вникал в смысл слов. Тем более он не был готов к тому, что девушка бросится на него. Шантель с силой толкнула корсара, и тот, потеряв равновесие, упал на пол. Свеча выпала из его рук и погасла. Стало темно, и единственное, что успел заметить Хаким, это то, что пленница выскочила из каюты. В панике он вскочил и бросился за ней. Если она прыгнет с корабля, следом за борт реис Мехмед может приказать бросить его самого.

Но Хаким все же опоздал. Когда он выскочил на палубу, девушка была уже довольно далеко. Кто-то прыгнул, чтобы схватить ее, но промахнулся, с шумом грохнувшись на дощатое покрытие. Шантель бежала дальше. Затем он увидел, как она, не останавливаясь даже, чтобы взобраться на бортик, просто перепрыгнула через перила прямо в воду. Когда корсар сам подбежал к бортику, ее серебряная голова колебалась в волнах. К его величайшему изумлению, белая леди умела плавать! На их корабле почти никто, включая самого Хакима, не мог похвастаться тем же, иначе он не раздумывая прыгнул бы за ней.

На судне поднялся шум. Все, так же как и он, были пора-

жены тем, что молодая англичанка не пошла ко дну, а плывет к берегу. Вот тут-то на Хакима накинулся реис Мехмед:

– Дурак! Кусок дерьма! Я поручил тебе самое простое дело, и то ты сумел все испортить. – Выговор капитана сопровождался сильной зуботычиной, опрокинувшей Хакима на палубу. Реис стоял над ним с налитыми кровью глазами. – Ты должен был…

– Прыгнуть за ней.

– Так ты еще и сумасшедший? – не веря своим ушам, взревел Мехмед. – Прыгать за какой-то вздорной бабой. Да пусть она достанется акулам!

Хаким откатился в сторону и быстро поднял руку, чтобы избежать новых побоев.

– У нее были серебряные волосы. Красоте ее может позавидовать богиня.

Мехмед остановился. Злость его направилась в другое русло.

– Идиот! Почему ты раньше не сказал?

Хаким вздохнул с облегчением. Уже послали за рулевым лодки, а ее саму стали готовить к спуску. Значит, дальнейших издевательств он пока избежал. А девушка? Ему уже почти хотелось, чтобы ее не поймали, хотя он и не понимал почему.

Глава 4

– Там какой-то парень хочет видеть вас, мой господин. Он пришел через пять минут после того, как вы ускакали, и все еще сидит, если я не ошибаюсь.

Граф Малбери спрыгнул со своего лучшего призового жеребца и передал поводья Чистокровного в руки грума. Черные брови удивленно сошлись над его изумрудными глазами. Сегодня он никого не ждал. К тому же все его друзья были хорошо известны Гарри, и неожиданное сообщение грума несколько обескураживало.

– Ты уверен, что он хочет говорить со мной, а не с маркизом?

– Он спросил вас по имени, да. А дедушку вашего даже не упоминал. В самом деле, он вообще ничего не упоминал, да. Честно сказать, сдается, что он вовсе не говорит по-английски. Повнимательнее приглядитесь к нему. Знаете, что я имею в виду.

Граф кивнул, сдерживая улыбку. Гарри не терпел иностранцев с тех пор, как много лет назад его дочь убежала с каким-то французом. Малейший акцент вызывал настороженность старого грума и был для него подозрительным. Друг графа Маршалл Филдинг неоднократно высказывал в свое время недовольство по поводу приема, который оказывал грум его агентам, доставлявшим в имение срочные депеши.

Но пришедший не мог быть агентом Маршалла. По требованию маркиза граф прервал свои отношения с британской разведкой, да и с самого начала он старался быть не слишком серьезно вовлеченным во все эти дела.

Но разгадывать загадку пришельца, когда он сам ожидал рядом, не имело смысла. Граф направился по утоптанной тропинке, справа огибающей дворец в стиле палладинов – резиденцию маркиза Ханстэбля, его деда. У графа было собственное имение в Йорке. Но если не считать недавней поездки туда с целью убедиться, что старый дом все еще стоит и его обитатели довольны управляющим, он постоянно жил здесь, в Кенте, с дедом. Таковым было их общее решение. Граф являлся единственным наследником старого маркиза, который старался всеми силами оберегать его и удерживать поближе к себе. К тому же внук и дед были еще и очень привязаны друг к другу.

– Ваша светлость, здесь…

– Я знаю, мистер Валмсли, – оборвал граф дворецкого, передавая ему шляпу, перчатки и хлыст. – Где ты разместил его?

– Я хотел оставить его здесь, в холле, милорд. Но он так смотрел на горничных, что те стали смущаться, и я решил отвести его в малую гостиную.

– Он что, вел себя грубо?

– Можно было подумать, что этот молодой человек никогда раньше не видел женщин, – выразил наконец свою мысль

дворецкий.

Уголки подвижных губ графа слегка приподнялись.

– Он предъявил какие-нибудь бумаги?

– Он даже не назвал своего имени, – ответил мистер Валмсли с заметным раздражением. – Если вы распорядитесь…

– Не надо. Я встречусь с ним сейчас. Прикажите, чтобы принесли все, что я обычно ем на завтрак, мистер Валмсли, но чтобы было достаточно для двоих.

Малая гостиная находилась за небольшим коридором с правой стороны гигантского холла, в задней части здания. Утреннее солнце обычно освещало эту комнату, придавая ей веселый вид, по крайней мере в это время года. Однако как раз этим утром солнца было маловато, хотя и дождик задержался, позволив графу размяться верховой прогулкой. Впрочем, в комнате было достаточно светло благодаря двум достающим почти до потолка окнам, и свечей, для того чтобы разглядеть находящегося в ней человека, не требовалось. Тот неподвижно стоял у левой стены, явно пораженный видом старинных часов, стоявших на полке.

Небольшого роста молодой человек не слышал, как он вошел, и это устраивало графа, не любившего сюрпризы, подобные тому, с которым он сейчас столкнулся. Даже оттуда, где он стоял, граф легко распознал национальность нежданного посетителя, и в голове его промелькнула целая дюжина вопросов, на смену которым пришло ощущение опасности.

Могла быть лишь одна причина для появления здесь араба, и она не обещала ничего хорошего.

Не без труда придав своему лицу бесстрастное выражение, граф на безупречном арабском языке произнес:

– Это ты искал встречи со мной?

При звуках родной речи Али бен-Халил вздрогнул и стал судорожно оглядываться по сторонам. Это было совершенно неожиданно и невероятно. Неужели сам Аллах помогает ему в этом путешествии? Мысль об этом придала бодрости юноше. Разве могло произойти без благословения Всевышнего все то, что произошло? Смог бы он без него выбраться из Барики? Не благоприятствовала ли ему даже погода, благодаря которой его четырехмачтовая шебека пересекла море менее чем за месяц? Даже команде его судна крупно повезло. Морякам удалось неожиданно захватить на берегу пленницу, что, безусловно, увеличит их доходы от предпринятого путешествия. К тому же среди моряков оказался один, который знал английский язык, и он помог Али выучить слова, нужные для того, чтобы быстро добраться до этого места. А еще была одежда, которую он нашел развешенной на заднем дворе одного из домов и легко украл. В ней он не выглядел слишком необычно, когда спрашивал у жителей этой страны дорогу. В общем, все шло очень хорошо, даже слишком, если быть справедливым. Али начал опасаться, что обязательно случится что-то плохое – для равновесия. Но нет. Он уже был там, где нужно, а этот высокий человек, говорящий на

его языке, был тем, к кому его послали. И в самом конце повезло! Гордость и радость в равной степени распирали грудь Али.

– Дерек Синклер?

Граф кивнул. Али быстро передал ему письмо, отошел к стене и стал ждать, не зная, правда, чего именно. Не исключено, что англичанин скажет, где он сможет остановиться на ближайшие шесть месяцев. Молодой человек и сейчас не понимал, почему ему запретили возвращаться в Барику так долго. Но пожаловаться на судьбу он не мог. Али теперь был богат. Кроме уже врученной ему награды, немало осталось и после расчета с корсарами.

Молодой араб смотрел, как англичанин подошел к небольшому столику в углу комнаты и, прежде чем сесть, распечатал письмо. На чтение ушло всего несколько секунд, таким коротким оно было, и Дерек Синклер пристально посмотрел на Али. Под пронизывающим взглядом зеленых глаз радость курьера мгновенно улетучилась, а по его спине пробежал холодок. Глаза, осанка, орлиный профиль. Подвоха во всем этом не чувствовалось, но… Али застонал и распростерся на полу.

– Не убивай меня, милосердный господин! Пожалуйста… Ты должен спрятать меня. Я должен… Клянусь!

– Почему?

Вопрос звучал спокойно, и Али решился приподнять голову.

– Я… я добрался до вас.

– Да, это так. Хорошо, как долго я должен оставлять тебя у себя?

– Полгода, – мгновенно ответил араб, окончательно обретая ясность мыслей. – Мне сказали, что я не должен возвращаться еще шесть месяцев.

Граф слегка помрачнел. Полгода? Он собирался жениться в следующем месяце. Вряд ли Каролин понравится такая отсрочка, тем более ее отцу. Но раз курьер должен быть оставлен на шесть месяцев, от Дерека ждали приезда именно на такой срок.

– Поднимись с пола и расскажи мне все, что ты знаешь об этом письме.

– Я не читал его, – замотал головой Али, поднимаясь с пола и не отрывая глаз от хозяина дома.

– Даже если и читал, значения это не имеет. Что еще ты знаешь?

Али коротко рассказал о множестве курьеров, которых посылали с таким же письмом и которые погибли от рук убийц. О том, как он вызвался доставить послание и ему это удалось. Затем его спросили о дее.

– Я знаю только то, что были попытки убить его, но он, слава Аллаху, продолжает благополучно жить во дворце.

– Там знают, кто стоит за попытками покушений?

Али пожал плечами.

– Я сам не из дворца. Как раз поэтому я и был уверен, что

смогу добраться сюда, хотя многие до меня не сумели. Но что происходит за стенами дворца, я не знаю.

Дерек улыбнулся.

– Ты отлично все сделал, мой друг. Но что теперь мне с тобой делать в эти шесть месяцев?

– Заприте меня где-нибудь.

– Не думаю, что это необходимо. Но ты можешь остаться здесь, в поместье. Уверен, мы что-нибудь придумаем для тебя. Чем ты занимаешься?

– Я – продавец шербета.

Дерек усмехнулся.

– Продавец шербета сумел сделать то, что не удалось тренированным воинам. Отличная работа! Если бы ты еще мог немного говорить по-английски.

– А я немного говорю. – Али наконец улыбнулся. Спокойствие возвращалось к нему. Аллах его не оставил!

– Прекрасно, – ответил граф, поднимаясь из-за стола. Как раз в этот момент раздался стук в дверь, и в комнату вошла горничная с подносом.

Девушка была симпатичной, и Али подумал, что ему предстоит привыкать видеть в этой чужой стране не закрытые покрывалами лица женщин такими, какими все они были в действительности. Мужчины здесь не усматривали ничего плохого в том, что другие смотрят на их женщин. А эта девушка, без сомнения, принадлежит Дереку Синклеру. Об этом говорил весьма интимный взгляд, который она бросила

на графа в тот момент, когда ставила еду на стол.

– Кофе? – спросил Дерек.

Али кивнул. А когда девушка вышла, он, несколько смущаясь, все-таки спросил:

– Она из вашего гарема?

Дерек улыбнулся, потягивая напиток, вкус которого он оценил в ранней юности.

– У нас здесь не бывает гаремов, к сожалению, – ответил он. – Но если бы они у нас были, думаю, ты бы оказался прав. Наверное, она бы была в моем. Однако она не принадлежит только мне, если ты понимаешь, что я имею в виду.

– Странно здесь у вас.

– Странно для тебя, да, но придется привыкать. Со временем все покажется тебе обычным.

Когда Али в сопровождении мистера Валмсли покидал малую гостиную, граф сидел перед столом, задумчиво глядя на лежащее перед ним открытое письмо. Три коротких предложения, написанные четким почерком по-турецки, он прочитал без труда. Турецкий он знал так же хорошо, как арабский и французский. Собственно, последним языком, который он освоил, был английский, хотя сейчас говорил на нем так, будто знал его с рождения.

Вначале, прочитав письмо, он даже немного успокоился. Все живы, слава богу. Но после рассказа Али стало очевидно, что не все так благополучно. Далеко не все.

Три коротких предложения были следующими: «Вы полу-

чите мои приветствия. Нужны ли дополнительные объяснения? Мне никогда не забыть Вас».

Детский код, изобретенный мальчишками, желавшими провести своих слуг и учителей. Он с удовольствием вспомнил тот случай, когда читал вслух написанное им по заданию учителя серьезное сочинение и никто вокруг не мог понять, что в нем находил такого забавного Джамиль. Но Джамиль знал код, а посему слышал не только то, что другие, но и послание, адресованное только ему: «Я собираюсь полакомиться гранатами и пошпионить за деем. А как ты?»

Послание, лежащее перед Дереком сейчас, было еще короче. Три предложения – три слова, три первых слова из каждого предложения: «Вы нужны мне». Конечно же, такое послание Дерек проигнорировать не мог. За прошедшие годы он получал письма от Джамиля, но они приходили обычным путем. Это было не таким, как все до него. Он нужен Джамилю! Он поедет.

Он мог уехать в Барику еще два месяца назад, когда об этом просил Маршалл. Для поездки было много причин, но ни одна не казалась важной настолько, чтобы переносить свадьбу или нарушать данное деду слово. Найти и выкупить некую английскую девушку, о которой было известно, что она оказалась в Барике, представлялось ему не таким срочным делом. Она уже три месяца находилась в плену, а посему не было никакой надежды, что она сумела сохранить девственность. Следовательно, особой нужды в его вмешатель-

стве не было.

Это работа британского консула – выкупать попавших в рабство соотечественников. А если девушку уже выкупил кто-то другой, консулу просто придется потратить немного больше времени, чем обычно. В таком положении уже оказывались несколько женщин, как правило, красивых, а Маршалл уверял, что и та девушка была очень красива. Она к тому же была родственницей какого-то влиятельного лица, что, собственно, и заставило Маршалла заняться этим делом. Но для Дерека это большого значения не имело. Только сейчас, когда граф и так собрался ехать в Барику, он мог согласиться принять участие в ее спасении. Заодно это даст ему повод расспросить Маршалла о том, что происходит сейчас в Барике, не объясняя причин своего любопытства.

Кисмет – случается то, что должно случиться, в то время и таким образом, как суждено. Так утверждает мусульманская философия, на которой воспитывался Дерек. После почти девятнадцати лет жизни в Англии ему выпало ехать домой. Зачем, он не узнает, пока все не закончится.

Глава 5

Лежа под шерстяным одеялом, Шантель дрожала. Она не могла взять себя в руки, не могла остановить эту дрожь, хотя волосы ее высохли еще несколько часов назад, а каюта была довольно теплой. Дрожать заставлял ее не холод, а страх, и он же уже дважды вызывал болезненные спазмы в желудке.

Великий боже, она была так близка к спасению. Ноги ее уже касались дна, когда небольшая лодка, врезавшись в нее, столкнула под воду. А только она вынырнула на поверхность, чтобы глотнуть немного воздуха, чьи-то руки втащили ее на борт, и девушка поняла, что другого шанса бежать уже не будет.

Ее привезли опять на корабль и поместили в ту же самую каюту. Только на этот раз двое мужчин оставались с ней до тех пор, пока она не сняла с себя промокшую одежду. Девушка была слишком утомлена, чтобы прогонять их. Только забрав все, что она сняла с себя, корсары ушли. Оставшись одна в темноте, Шантель нашла какую-то подушку, одеяло, которым можно было укрыться, кажется, уже виденный ею раньше меховой коврик и свернулась на нем в тугой клубок. Она догадывалась, что может произойти дальше, и голова раскалывалась при одной мысли об этом.

Опасаясь, что ее неожиданно схватят, девушка не сомкнула глаз. Наконец пришло утро. Свет забрезжил в маленьком

окошке. Она все еще была одна. Если бы Шантель могла, она, наверное, выпрыгнула бы через это окошко в море. Это лучше, чем пережить то, что они сделают с ней, чем лежать здесь и даже просто думать о том, что ей предстоит пережить. Девушка была уверена, что будет изнасилована членами команды корсаров по очереди, а если выживет после этого, то ее продадут в рабство. И то и другое было так непереносимо, что Шантель пыталась запретить себе думать об этом, но страх боли и унижений не покидал ее ни на минуту.

Несколько раз она вспоминала того маленького человека, который приходил к ней в каюту раньше. Почему он не появляется снова, чтобы поговорить с ней? Что с ним? Любое общение могло бы принести ей сейчас облегчение. Но возможно, это такой обычай корсаров – заставлять свою жертву страдать, оставляя ее в полной неизвестности. Страх помаленьку начал ослабевать. Он же разговаривал с ней нормально и говорил даже, что ей не причинят зла. Но что на самом деле может иметь в виду под злом корсар?

Боже, если бы она не знала, кто они такие. Если бы ее учителя не давали ей уроков мировой истории и международных отношений! Но ей было прекрасно известно, что оттоманские турки на протяжении столетий вторгаются в христианскую Европу. Она знала о варварских государствах, входящих в турецкую империю, и об их корсарах – пиратах Средиземноморья, которые совершали набеги на другие страны, нападали на корабли, убивали или продавали в рабство хри-

стианских пленников, не делая исключения ни для кого. Что подразумевал один из них, заверяя женщину, что ей не причинят зла? Уж конечно, совсем не то, что под этим понимала Шантель.

Когда поздним утром дверь каюты отворилась, на пороге появился совсем не тот моряк, с которым разговаривала девушка. Вошли четверо мужчин: двое коренастых, один худощавый и высокий, в длинном белом балахоне, и еще один молодой человек, заметно выделявшийся среди своих спутников, одетый в шелковую безрукавку и турецкие шаровары. На головах у всех были тюрбаны. Лица корсаров отличались резкими чертами, хотя были довольно светлыми. Лишь один из них, тот, что в белом балахоне, был без оружия. У остальных на поясах висели длинные кривые мечи.

Шантель мгновенно приподнялась на своем коврике, но осталась сидеть. Встать во весь рост она не могла, так как ее наготу прикрывало лишь одеяло. Она подняла его к подбородку, закрываясь от корсаров, и прижалась к стене. Запертая, как в ловушке, в маленьком помещении, с расширенными от ужаса глазами и полупрозрачной от бледности кожей, девушка не осознавала, что вошедшие были поражены ее красотой. Она впервые предстала перед ними при нормальном освещении, и корсары только сейчас смогли разглядеть свою пленницу. Они еще никогда не видели таких глаз. Немыслимы на Востоке были и достававшие до ее великолепной талии светлые, прямо серебряные волосы, один ло-

кон которых сейчас выбился из-под одеяла. Говорили, правда, что среди сиракузцев много светловолосых людей, но моряки никогда не встречались с ними и не знали, какие они на самом деле. Поистине прекрасным было и лицо девушки. И если всему этому соответствовало ее тело, то получить за нее можно очень много. А если она к тому же и девственница, цена этой невольницы удесятерится.

Собственно, реис Мехмед и пришел, чтобы составить об этом окончательное представление. Ведь от ее ценности будет зависеть комфортабельность ее нынешнего путешествия. К тому же если она не девушка, то нет и нужды сдерживать себя и других членов команды от того, чтобы скрасить долгий путь домой с помощью ее тела. Правда, большинство его спутников отдавали должное содомскому греху, но в основном в силу обстоятельств. Женщина на борту – это удача, если, конечно, она не девственница. Мехмед уже хотел, чтобы эта пленница девственницей не была.

– Она напугана, реис, – спокойно сказал из своего угла евнух в белом. – Может, позовешь Хакима, чтобы сказал ей, что это простой осмотр?

Мехмед, не отрывая взгляда от девушки, отрицательно покачал головой.

– Если он будет присутствовать здесь сейчас, объясняя, что происходит, потом она ему может не поверить и не захочет учиться у него новой жизни. Лучше, чтобы он смог стать ей другом, помогая прийти в себя. Тогда он сможет помочь

сделать ее более покорной, а значит, и более ценной.

– Раз так, покончим с этим поскорее, пока она не хлопнулась в обморок.

Но Шантель не потеряла сознания. Она пронзительно визжала, пока в рот ей снова не засунули кляп. Она сопротивлялась с дикой яростью, но бесполезно. Даже одеяло, казалось, было против нее, ограничивая свободу рук. Вскоре Шантель оказалась лежащей на спине, а сверху поперек ее тела, пригвождая его к полу, лежал корсар в шелковой безрукавке. Она начала брыкаться, уже не обращая внимания на то, что тем самым сбивает одеяло со своих обнаженных ног. Но еще через мгновение другой мужчина схватил и ноги. Разведя их в стороны, он сильно сжал колени, заставив девушку лежать не двигаясь.

Глаза Шантель от ужаса казались безумными. Она ничего не видела за массивным торсом человека в шелковой безрукавке, который лежал сверху, крепко держа руками за плечи и шаря глазами по ее животу. Девушка не могла знать, что тот моряк, который схватил ее за ноги, получил строгий приказ не смотреть на нее. Не знала она и того, что Белый Балахон был евнухом, который не мог ее изнасиловать, даже если бы захотел, и что он просто обязан был проделывать некую процедуру со всеми женщинами, которых захватывали корсары. Но чувствовать то, что с ней делают, она, конечно, могла: что-то прикоснулось к ее ногам и было просунуто между ними, затем вошло внутрь ее тела, причинив боль,

и через какое-то время вынуто. Шантель была уверена, что ее изнасиловали, совершенно не понимая, что это была проверка, которая единственная и могла спасти ее от поругания, по крайней мере пока она находилась на корабле.

Ноги девушки вновь прикрыли одеялом. Для корсаров это был знак, что отныне коснуться ее может только один человек. Мучители обменялись несколькими фразами, и она почувствовала, что больше ее никто не держит. Но она даже не пыталась пошевелиться. Совершенное безразличие ко всему, что происходит вокруг, охватило Шантель. То худшее, чего она боялась, произошло. Больше сейчас уже ничто не имело значения.

Она не видела, конечно, что два коренастых моряка вышли из каюты еще до того, как Шелковая Куртка освободил ее от своего грузного тела. Девушка даже не обратила внимания на то, что, встав, он поднял и ее. До конца не оправилась Шантель от шока и тогда, когда он сорвал с нее одеяло, и лишь инстинктивно попыталась прикрыть свою наготу руками.

Это верх унижения – быть лишенной чести таким образом. Ее мучители – настоящие животные. Она выкрикнула им это прямо в лицо. Но на гневные слова никто не обратил внимания, просто не поняв чужой для них речи. Впрочем, ее чувства гнева и негодования были и так очевидны.

– Она очаровательна, будто райская птичка, – прошептал реис Мехмед, едва дыша. Никогда в жизни он не видел такой

красивой женщины.

– У нее есть не только красота, но и воля, – громко сказал евнух.

– Только ломается…

– Она может принадлежать только одному.

– Я не собираюсь менять своих решений!

– Но проверка дала необычный результат, – спокойно напомнил евнух. – Она не для тебя. А вот Хамид Шариф будет доволен.

Мехмед хмыкнул. Хамид Шариф, хозяин их корабля, уже имел четырех жен, которые сводили его с ума своими придирками.

– Его больше интересует прибыль. Главное, чтобы мы привезли побольше монет. Пожалуй, он мог бы попробовать предложить эту красотку дею, чтобы получить их еще больше. Но новых женщин для дворцового гарема не покупали уже давно.

– Это не наша забота – думать о том, кто в конце концов ее купит, реис. Ты просто обязан проследить, чтобы к Хамиду Шарифу она была доставлена в хорошем состоянии.

Сказав это, евнух с извиняющейся улыбкой вернул девушке одеяло. Мехмед засмеялся, наблюдая за тем, как Шантель пытается прикрыться им, и плюнул евнуху под ноги.

Глава 6

Каролин Дуглас сдерживала свою пляшущую лошадь, ожидая, когда к ней присоединится Дерек. Она не думала, что он придет сегодня днем и пригласит покататься верхом. Ведь он знал, что отец принимает гостей. Но врасплох неожиданное появление жениха ее не застало. Более того, для нее это был прекрасный повод пощеголять наконец в своей новой амазонке из темной шерстяной ткани, которую обычно используют для своей униформы моряки, и в светло-голубом сатиновом жилете, подрезанном, как у мужчин. Наряд в мужском стиле, сшитый мужским портным, был очень моден. К тому же она знала, что его цвета шли к ее рыжим волосам. Да и Дерек был того же мнения и сам говорил ей об этом.

Из-под полей своей высокой шляпы девушка смотрела, как он приближается, восхищаясь умением, с которым граф управлялся с едва объезженным жеребцом. Скачки были страстным увлечением Дерека Синклера. Его конюшня поставляла лучших чистокровных рысаков Англии, многие из которых брали призы на самых престижных состязаниях. Ее лошадь тоже была из конюшни графа. Он подарил ее Каролин в день, когда сделал ей предложение. Девушке нравилось это животное. А Дерека она, конечно, любила, хотя, наверное, в сотый раз и задавала себе вопрос, не совершает ли

ошибку, выходя замуж за лучшего друга.

Каролин вздохнула. Нет, с этими сомнениями надо заканчивать. Она уже была помолвлена с двумя мужчинами, но отказала им в последний момент, вызвав крайнее недовольство отца. Проделать это еще раз, тем более с Дереком Синклером, графом Малбери, она просто не могла. Она хочет выйти за него, в самом деле хочет.

Более идеальный союз трудно представить. Они росли вместе в расположенных по соседству усадьбах. Они так хорошо знали друг друга. Дерек был для ее отца все равно что сын. А кроме того, он обладал такими немаловажными чертами, как обаяние, мужественная красота, уравновешенный характер. Конечно, он был сластолюбец, но большого недостатка Каролин в этом не видела. Тем более тогда, когда он целовал ее, заставляя ощущать себя самой любимой и обожаемой женщиной на свете. Проблема была в другом, в том, что чувствовать это Дерек мог заставить любую женщину. А их у него было так много, причем часто в одно и то же время.

Он привык рассказывать Каролин о каждой своей победе и обо всех подружках. Девушка тоже посвятила его в свое первое и все последующие увлечения. С тех пор как это произошло, у них не было секретов друг от друга. Дерек поклялся сделать ее счастливой, и она знала, что он сдержит слово. Каролин была уверена, что после того, как Дерек сделал ей предложение, он оставил всех своих прежних любовниц, в число которых, кстати, входила добрая половина горничных,

служивших в доме его деда. Сомнений в том, что он может быть преданным ей одной, у девушки не было. Но что же тогда все-таки смущает ее?

Обычное нервное состояние невесты перед свадьбой, вот и все. Она уже испытывала подобное, когда приближались даты двух несостоявшихся бракосочетаний. Серьезные решения всегда тяжело давались Каролин, она просто не привыкла принимать их самостоятельно. У нее никогда не было полной уверенности в том, что сделанный ею выбор единственно правильный. Одна из причин ее тяги к Дереку как раз и заключалась в том, что в отличие от нее он был уверен в своих решениях и своей силе. Если кто-то становился его другом, то это уже было на всю жизнь. Этот человек становился частью его. Не могла представить своей жизни без него сейчас и Каролин. Не потому ли она ответила ему «да», что просто боялась потерять его дружбу?

Нет, она любила его, всегда любила. Впрочем, всегда ли? Каролин начала привыкать к нему с тех пор, как его привезли в Англию. Ей было тогда только шесть лет, ему – почти одиннадцать. Дерек говорил по-французски, и ей это казалось странным. Ее французскому еще не обучали. Общаться было затруднительно. Но мальчик осваивал английскую речь с поразительной быстротой. Каролин знала, что Дерек вырос в какой-то ближневосточной стране, где его отец был послом. Дочь маркиза, Мелани вышла замуж за границей и ни разу не приезжала в Англию все эти годы. Родители его

умерли почти одновременно, когда мальчику было десять лет. Поэтому Дерека и привезли жить к дедушке, который первым делом изменил фамилию мальчика на Синклер – Дерек был последним мужчиной в роду маркиза и его единственным наследником.

Она помнила ту снисходительность и превосходство, которые чувствовались в обращении с ней Дерека в первый год его пребывания в этих местах. Он вел себя так, как будто принадлежал к королевской семье, а все остальные существуют лишь для того, чтобы исполнять его приказания. Боже, как она ненавидела его поначалу! Но ему потребовалось совсем немного времени, чтобы слегка изменить свое поведение и полностью завоевать расположение Каролин. Дерек вообще умел вести себя с женщинами так, что сопротивляться ему было просто невозможно. Скоро она уже доверяла ему все свои тайны, никогда не озадачивая себя вопросом, почему ее наперсником стал мужчина, а не женщина. И даже сейчас, когда Каролин было уже двадцать пять, Дерек оставался ее самым близким товарищем, хотя у самого графа, девушка об этом отлично знала, были и другие друзья, друзья-мужчины, которые были ему не менее близки, чем она.

Один из них – лорд Филдинг. Именно этот негодяй вовлек молодого человека в какие-то шпионские авантюры. Правда, это уже в прошлом, но Дерек никогда не считался с опасностью и относился к своим заданиям как к щекочущему нервы развлечению. А маркиз и Каролин дрожали от страха вся-

кий раз, когда он отправлялся во Францию, гадая, не схватят ли его и не казнят ли на этот раз. Кончилось тем, что маркиз настоял, чтобы Дерек прекратил рисковать жизнью. Бедный старик всерьез опасался, что его наследник умрет раньше, чем выполнит свой долг по продлению рода. Посему жениться граф должен был не только по своему выбору, но и по настоянию деда. Он так и сказал Каролин, когда делал ей предложение. Предложение Дерека выйти за него замуж ужасно льстило девушке. Ведь он знал стольких женщин, но свой выбор остановил именно на ней!

– Витаешь в облаках, Каро?

Каролин наклонила голову, наблюдая за тем, как граф соскакивает с коня и протягивает к ней руки. С улыбкой она положила ладони на плечи жениха, ощущая, как бережно сжимает он своими теплыми пальцами ее запястья. Когда ее ноги коснулись земли, он не позволил ей пойти сразу. Дерек в отличие от большинства мужчин имел способность передавать то, что он хочет, обычными прикосновениями. Это было очень мило, тем более что делал он это совершенно невинно. Он просто слегка дотрагивался до плеч, рук или нежно поглаживал кожу пальцев и запястий. Он не знал, что делается в такие моменты с женщинами! А может, и знал, и это была одна из черт его врожденного сластолюбия.

В ответ на вопрос Дерека Каролин засмеялась, стараясь не показывать, как много она думала о нем.

– Я размышляю о саде, о том, как получше пересадить

розовые кусты…

Он притянул ее поближе к себе.

– Маленькая лгунья.

Девушка посмотрела снизу вверх. Существенно вверх, ведь роста она была совсем небольшого и голова графа возвышалась над ней более чем на фут.

– Ну хорошо. Я думала о том, что у тебя такие ресницы… прямо девичьи.

– Бог мой, женщина, если ты хотела сделать мне комплимент, то тебе это не удалось.

– Но они придают тебе такой мужественный вид, Дерек, – настаивала она с озорными огоньками в глазах.

– Если все, что ты можешь предложить, такая же ерунда, пожалуй, я сам подумаю о том, чем нам лучше заняться.

– О нет! – весело вскрикнула Каролин, увертываясь от его поцелуя. Все последующие попытки благодаря ловкости девушки оказывались столь же безуспешными. – Ты вызвал меня по какой-то причине. Послушаем, что ты не мог сказать мне при отце.

– Я подумываю, а не похитить ли тебя, моя крошка.

Каролин фыркнула.

– Не очень-то похоже на правду. Если бы мне было суждено быть похищенной тобой до свадьбы, это бы уже произошло много месяцев назад. Сейчас поздно.

Он взял девушку за руку и повел ее через лужок, покрытый полевыми цветами.

– Много ли будет неприятностей, если мы отсрочим немного нашу свадьбу?

Она остановилась, стараясь сделать так, чтобы Дерек смотрел ей прямо в глаза.

– Что случилось?

– Я должен уехать из Англии на какое-то время.

– Этот хам! Этот негодяй! – взорвалась девушка. – Он опять сделал это, да?

– Кто? – спросил совершенно невинным тоном граф.

– Ты прекрасно знаешь кто! Лорд Филдинг! И он осмеливается опять прибегать к твоим услугам после того, как ты дал слово дедушке больше никогда не участвовать в этих мерзких авантюрах.

– Марш? Нет, он ни при чем… практически ни при чем, – сказал, перестав улыбаться, Дерек. – Но, Каро… Негодяй? Хам? Я думал, что тебе нравится Маршалл.

– Так оно и было, – раздраженно ответила Каролин. – До тех пор, пока он не завербовал тебя в шпионы.

Дерек мягко подтолкнул девушку, положив руку на ее талию, и они медленно пошли вперед.

– Ты прекрасно знаешь, что Маршалл руки мне не выкручивал. Все, что я делал, я делал с удовольствием. К тому же моя предстоящая поездка к тем делам отношения не имеет. Просто речь идет кое о чем, что я должен сделать прямо сейчас. Но опасности нет. Это скорее дипломатическая миссия.

– Содержание которой, подозреваю, ты обещал хранить в

тайне.

– Совершенно верно.

Сообщение Дерека вызвало в душе Каролин два совершенно противоположных чувства. С одной стороны, она даже успокоилась, поскольку отсрочка давала ей время окончательно разрешить свои сомнения относительно замужества. С другой – она боялась, что граф сказал ей не всю правду, и то, чем он намерен заниматься, представляет для него серьезную опасность.

– Как долго ты будешь отсутствовать?

– Сейчас довольно трудно сказать точно… Возможно, месяцев шесть.

– Так долго?

Граф пожал плечами.

– Дипломатия требует больше времени, чем шпионаж.

– Отцу все это не понравится.

– Герцог и мой дед будут в этом единодушны.

– Что сказал об этом твой дед?

– Я еще не разговаривал с ним. Думаю, что лучше сообщить ему обо всем, когда я уже окончательно буду готов к отъезду.

– Когда ты уезжаешь?

– Скорее всего завтра, – твердо ответил Дерек. – Я поплыву морем из Дувра.

– О Дерек! – воскликнула девушка, останавливаясь, и вдруг сама обвила руками его шею.

– Что такое, Каро? Ты что, собралась распрощаться со мной навсегда?

– Конечно, нет, – пробормотала девушка, уткнувшись в его куртку.

– Переживаешь за меня?

– Ни капельки.

Дерек довольно усмехнулся, демонстративно обнимая Каролин.

– Вот это действительно моя девушка!

Глава 7

Дерек не стал дожидаться следующего дня, чтобы поговорить с дедом. Найдя его по возвращении домой в библиотеке, он изложил ему все обстоятельства дела и попросил, чтобы маркиз сам решил, что следует предпринять. Ответ Роберта Синклера был таким, каким он только и мог быть:

– Ты должен ехать.

– Я пришел к такому же выводу, – сказал Дерек. – Я послал за Маршаллом. Он должен приехать завтра днем.

– Ты намерен посвятить его в ваши отношения…

– Думаешь, в этом есть какой-то смысл после того, как прошло уже столько лет?

– Нет, – произнес маркиз.

– Вот ты сам и ответил на свой вопрос. В принципе вообще нет ничего такого, что я должен ему рассказывать. Я сам не знаю, зачем я там понадобился. Он будет думать, что я еду из-за той английской девушки. Этого вполне достаточно.

– А на самом деле?

Дерек пожал плечами.

– Когда я буду там, я, конечно, поищу ее. Сомневаюсь, однако, что ее можно будет возвратить оттуда, даже если я ее и обнаружу. Когда женщина попадает в гарем, она потеряна для остального мира.

Роберт Синклер нахмурился.

– Ты говоришь это без тени сожаления.

Дерек дружелюбно улыбнулся деду. Упрек, звучавший в словах маркиза, был знаком ему.

– А что бы ты хотел услышать от меня? Она лишь одна из тысяч девушек. Это здесь рабство не одобряется. На Востоке оно – общепризнанный институт.

– Но ты сам одобрять его не должен.

– А я и не говорил, что одобряю. Но я вырос на Востоке и воспринимаю тамошнюю жизнь такой, какая она на самом деле.

– Я знаю, знаю, – вздохнул маркиз, поскольку все это было не более чем очередным обменом давно известными им обоим аргументами. – Только… ты думаешь, тебе удастся встретиться с ней?

Дерек знал, что это означает близкое окончание разговора о девушке.

– Я не знаю.

– Если все-таки увидишь, скажи, что она может поблагодарить тебя и от моего имени.

Дерек кивнул, затем подошел к деду и обнял его. Острое чувство любви к этому пожилому человеку сдавило его горло. Графу был ясен смысл послания, адресованного не столько неизвестной девушке, сколько ему самому. Оно говорило помимо всего прочего о том, что дед одобряет его решение, любит его и гордится им – чувства, отнюдь не часто проявляемые стариком открыто. Внук и дед могли не соглашаться

друг с другом по многим вопросам, Роберт Синклер мог не одобрять гедонизм Дерека, но сильнейшую привязанность, которая возникла между ними за прожитые рядом годы, поколебать не могло ничто.

Через час, когда Дерек все еще сидел в библиотеке, размышляя в одиночестве, ему неожиданно доложили, что пришел лорд Маршалл Филдинг. Передавая шляпу и пальто мистеру Валмсли и приглаживая свои непокорные каштановые кудри, лорд Филдинг уже входил в комнату.

Дерек поднялся для приветствия, пытаясь скрыть свое удивление. То, что друг появился сейчас, а не завтра, могло означать только одно: Маршалл не успел получить его приглашение и приехал по собственной инициативе.

– Что заставило тебя покинуть Лондон, Марш?

Тонкие брови над зелеными глазами Маршалла придавали его лицу постоянное серьезное выражение, которое сохранялось даже тогда, когда он улыбался.

– Прошел уже почти месяц с тех пор, как я последний раз был здесь. Вот я и решил, что пора бы взглянуть, не мучает ли тебя совесть.

Дерек рассмеялся. Маршалл никогда не сдавался, особенно если хотел, чтобы Дерек взялся за выполнение дела, с которым, по его мнению, никто другой не справится. Он, видимо, и сейчас пришел, чтобы продолжить их последний спор, не слишком, впрочем, надеясь, что ему удастся переубедить

графа. Но здесь сюрприз ждал уже лорда Филдинга.

Маршалл в отличие от Дерека был организатором, но никак не исполнителем. Их дружба вообще всегда выглядела немного странно. Окружающие удивлялись, как это два человека, единственными общими чертами которых были возраст и любовь к лошадям, смогли так быстро и сильно сдружиться еще в школе. Видимо, это было притяжением противоположностей характеров: серьезности, сдержанности и осторожности у одного; горячности, постоянной готовности к риску и излишней порой уверенности в своих силах у другого. Один рвался вперед, другой сдерживал, и результат такого соединения шел на пользу им обоим.

– Присаживайся, Маршалл, – указал Дерек на стулья, специально изготовленные для создания максимальных удобств при чтении в библиотеке. – Ты поспел как раз к чаю.

Маршалл никак не отреагировал на приглашение.

– Вижу, что угрызения совести тебя не мучают.

– Не начинай сначала.

– Дерек…

– Успокойся, Марш. Знаешь, ты никогда бы не вел себя так, если бы был послом на Востоке. Там в начале разговора надо прежде всего обменяться несколькими приятными фразами. Лучше уж расскажи, как идут ваши дела со шпионажем.

– Ты же знаешь, что мы не любим этого слова. Внешняя разведка…

– Шпион он и есть шпион, как его ни назови.

– Пусть будет так, – сказал Маршалл, переходя на добродушный тон. – Теперь мы уже сказали достаточно приятных фраз или еще должны обсудить погоду?

– Климат довольно мягкий для…

– Дерек, клянусь, тебе не очень удается роль невинного святого. Ты сидишь здесь, мелешь всякую чепуху, а Чарити Вудс в это время подвергается издевательствам.

– А ты не думай, что ей обязательно плохо, Марш, – довольно резко оборвал друга граф. – Ты не знаешь, как обращаются с этой девушкой сейчас. Мне доводилось знать женщин, которые сами продавали себя в рабство, чтобы оказаться в таком положении, в каком, возможно, находится твоя мисс Вудс. Женщин гарема лелеют и осыпают роскошью. С ними редко обращаются плохо.

Маршалл наклонил голову и со вздохом закрыл глаза. Он знал, что необходима уйма времени, чтобы уговорить Дерека изменить точку зрения. Если не было такой серьезной причины для отказа, какую Дерек назвал в прошлый раз, граф выдвигал аргументы, подобные нынешним. Дело было прежде всего в том, что они просто не могли смотреть одними и теми же глазами на положение, в котором оказывались в мусульманских странах женщины, проданные в рабство. И где это жил Дерек, что там к ним так хорошо относятся? Ведь так происходит далеко не везде. Неужели он не знает этого?

Но расспрашивать Дерека Синклера о его жизни до при-

езда в Англию было бесполезно. Он никогда не говорил о подробностях и высказывал только общие суждения, которые были слишком восточными и слишком умозрительными. Правда, в прошлый раз Дерек не философствовал. Он просто наотрез отказался уехать из Англии и назвал причину. Довод, однако, был достаточно резонным.

– У меня свадьба через несколько месяцев, – сообщил тогда граф Маршаллу.

– Лучше не напоминай. Ты похитил у меня единственную девушку, которую я мог полюбить, а теперь сыплешь мне соль на рану, приглашая на свою свадьбу с ней, – улыбаясь и как бы поддразнивая друга, ответил Маршалл, хотя, к сожалению, ему было совсем не весело. – Но ты мог бы отложить свадьбу.

– Нет, я не могу. А кроме того, старик просил оставаться около него. Ему нездоровится, ты же знаешь.

– Он здоров как черт, – возразил Маршалл.

– Он не вставал с постели всю последнюю неделю.

– Но я слышал, что это была просто простуда.

И тут Дерек привел свой основной довод:

– Ты же знаешь, сколько ему лет, Марш. Он хочет увидеть моих детей, прежде чем уйти навсегда.

Возразить что-либо против этого Маршалл, конечно, не мог. Маркизу было уже около семидесяти, и в последние годы здоровье его в самом деле начало пошаливать. К тому же мысль о детях – о детях Каролин и Дерека привела Маршал-

ла в такое уныние, что этого было достаточно, чтобы закрыть тему. И только сильнейшее давление, которое оказывали на него с тех пор, заставило его приехать, чтобы попросить Дерека еще раз. Была, правда, еще одна причина. Его сердце все еще надеялось, что приближающуюся свадьбу удастся отсрочить. Хотя что хорошего могло это ему обещать…

– Ты не сказал, что удалось сделать английскому консулу.

Маршалл недовольно хмыкнул.

– Ничего. В последнее время он даже не может добиться аудиенции у дея. Хорошо, что ты напомнил мне. Ведь мисс Вудс теперь не единственная причина, из-за которой мы хотели бы, чтобы ты съездил в Барику. Хотя официальным предлогом остается именно она, ведь ее родственник требует, чтобы туда были направлены военные корабли, если вскоре девушку не возвратят.

– И они пошлют туда эскадру?

– Только не из-за этого и только не в тот момент, когда Барика превратилась в единственное государство мира, размеры флота которого невозможно даже оценить. Мы совершенно не представляем, с чем можем столкнуться там. И поверь мне, сильным желанием выяснить это на месте никто не горит.

– Это просто маленький порт, Марш. Мне кажется, старый дей мог иметь в своем распоряжении всего несколько судов. Но у вас же есть люди, которые могут проследить за каждым входящим в гавань кораблем. Как так может быть,

что вы ничего не знаете?

– Действительно, следовало бы знать. Но твой друг Джамиль использует в качестве капитанов близнецов.

– Близнецов? О боже. Блестяще!

– Ты хочешь сказать, что не знаешь об этом?

– Послушай, Марш. То, что мы с Джамилем время от времени обмениваемся письмами, которые к тому же идут ужасно долго, еще не означает, что я посвящен в его систему обороны.

Маршалл усомнился даже, правильно ли он все расслышал. Впервые за все время их знакомства Дерек назвал дея Барики по имени.

– Нам может помочь, в самом деле может, если ты скажешь, в каких отношениях был с деем, когда жил там.

Дерек улыбнулся.

– Ты останешься на обед, Марш? – произнес он совершенно не относящуюся к делу фразу.

– Во имя бога, Дерек! Что за страшная тайна? Ты спас ему жизнь? Он в долгу перед тобой? – Выражение лица графа было непроницаемым, и уже с раздражением Маршалл произнес: – О! Никакой реакции! Я должен был знать, у кого спрашиваю. Но скажи мне по крайней мере, не занимаюсь ли я тем, что пытаюсь подстегнуть мертвую лошадь? Он был твоим другом или нет?

– Был.

– Хорошо, это уже кое-что, – вздохнул Маршалл. На этот

раз Дерек и в самом деле открыл ему больше, чем за все время до этого. – А что касается стратегии, которую избрал дей для своего флота, она действительно блестяща. Никто – ни его враги, ни союзники не знают, сколько военных кораблей у него на самом деле. Об этом немыслимо говорить, если один капитан может оказаться двумя, и то же самое происходит с названиями судов. К тому же все корабли дея никогда не заходят в гавань одновременно. Мы можем вечно следить за портом, но точной численности флота так и не узнаем. Есть одно обстоятельство, однако…

– Оно заключается в том, что Англия не хочет объявлять войну Барике.

– Совершенно верно, – сказал Маршалл. – У нас хорошие отношения, даже отличные. Джамиль Решид, даже удивительно, – это, возможно, единственный оттоманец, который держит свое слово.

– Таким образом, Англия удовлетворена нынешним деем, – подытожил Дерек. – Но как это увязать со второй причиной моей поездки в Барику?

– Как я сказал, английский консул сэр Джон Блейк не может добиться свидания с деем. Вот мы и должны прежде всего выяснить почему. Не исключено, что это связано с недавней серией покушений на жизнь Джамиля Решида. Вполне естественно, что после них охрана дворца утроилась, а все внешние контакты, за исключением самых важных, прекращены.

– Но как я понимаю, выкуп одной рабыни не может быть признан дворцовыми чиновниками столь важным делом?

– Правильно. Однако ты, как я заметил, не обратил внимания на мои слова о покушениях на твоего друга. Может быть, ты уже знал о них?

– Ты сам доставлял мне письма дея, Марш, и знаешь, что последнее пришло чуть ли не год…

– Хорошо, хорошо. Ты, следовательно, не получал ни слова об этом. Но почему ты не удивился или не обеспокоился?

– Бог мой! Какой ты подозрительный сегодня, – засмеялся Дерек. – Я не удивился по той простой причине, что попытки убить правителя – достаточно обычное явление в Оттоманской империи. Ты же считаешь нормальным, что новый султан, придя к власти, убивает всех своих братьев.

– У Джамиля Решида есть младшие братья.

– Я знаю. Но Джамиль Решид не султан, а деи Барики не практикуют братоубийства. Они просто окружают себя такой охраной, что добраться до них почти невозможно.

– Почти – да, но не абсолютно невозможно.

– Правильно. Повод для беспокойства действительно есть. Имеются ли какие-нибудь предположения относительно того, кто стоит за попытками убить дея?

– Сэр Джон считает, что все указывает на Селима – следующего по старшинству в династической линии. Уже более шести месяцев Селим нигде не показывается, а узнать, где он, не удалось. Конечно, сэр Джон посвящен не во все секре-

ты Барики. У него есть шпионы, но не в самом дворце. Однако главное известно. Сыновья Джамиля еще недостаточно взрослые, чтобы занять трон. Если Джамиль умрет, новым деем станет Селим, а это как раз то, чего мы должны избежать любой ценой.

– Почему?

– В отличие от Джамиля Селиму нельзя доверять. У нас есть достаточно сведений об этом парне. Он полная противоположность Джамилю. Нет, нам нужно, чтобы нынешний дей сохранил трон, и не только потому, что дружелюбно настроен к Англии, терпим к христианству и открыл свою страну для английских купцов. Имеющаяся альтернатива просто неприемлема. Если к власти придет Селим, это может привести к войне.

– Теперь понятно. Но ты ведь рассказал мне все это не для того, чтобы порадовать меня логикой изложения.

Маршалл наконец улыбнулся.

– Не исключено, что ты все-таки пересмотришь свою позицию относительно поездки за мисс Вудс. В этом случае мы бы не возражали против того, чтобы ты заодно выяснил, кто стоит за попытками убить дея Барики, и сам ликвидировал эту угрозу на месте.

Дерек чуть не задохнулся от смеха.

– Черт побери, а не слишком ли о многом вы меня просите, Марш?

– Англия сможет отблагодарить тебя… неофициально, ко-

нечно.

– Уж это конечно, – сказал граф. – Ну хорошо, Марш, тебе удалось переубедить меня, – добавил он вдруг.

Маршалл сел. Он не поверил своим ушам.

– Ты шутишь! Неужели ты действительно поедешь, отложишь свадьбу, нарушишь слово, данное деду?

– Да. Но если ты собираешься и дальше напоминать мне обо всем этом…

– Нет, нет, даже не мечтай.

– Тогда завтра я уезжаю.

Наступивший вечер граф встретил с чувством законного удовлетворения от пережитого дня. Он смог получить у Маршалла полезную информацию, не раскрывая того, что знал сам, достичь полного согласия с дедом относительно необходимости поездки в Барику и распрощаться с Каролин, избежав слез и упреков. Предстоящий отъезд его не огорчал. Конечно, он покидает Англию и все, что ему дорого здесь, но отсутствие будет не таким долгим. А когда Дерек возвратится, они, как и намечалось, справят свадьбу, он начнет семейную жизнь, и дедушка будет полностью удовлетворен.

Сейчас было самое время подумать о предстоящей ночи, последней ночи на твердой земле, перед тем как он вступит на палубу корабля и на много недель окажется в чисто мужской компании. Дерек поманил пальцем проходившую внизу у лестницы горничную. Ему было все равно, какая из де-

вушек оказалась рядом. Все молодые служанки были его интимными подружками.

Граф улыбнулся, услышав хихиканье девушки, которая поднималась к нему. Это оказалась Клер, симпатичная миниатюрная брюнетка с ненасытным аппетитом. Отличный выбор! Дерек обнял девушку одной рукой.

– Мы слышали, вы уезжаете, милорд, – произнесла Клер. – Мы с Маржи собирались зайти к вам попозже, чтобы попрощаться.

– И ты собиралась? – медленно спросил граф, как бы случайно поглаживая пальцами по ее груди. – Тогда мы можем попрощаться с тобой сейчас, а с Маржи я встречусь попозже, если, конечно, у меня еще останутся силы.

Когда он повел ее в комнату, Клер опять захихикала. Эти звуки нравились Дереку. Ведь он вырос среди них, проведя детство в гареме. И то, что он так любил женщин, в общем-то было естественным следствием его воспитания. Среди ограничений, которых граф опасался по приезде в Англию, главным было то, что он не сможет иметь собственного гарема. Но на самом деле это ограничение оказалось не таким строгим, по крайней мере в его распоряжении была целая стайка симпатичных горничных. Слуги привыкли угождать хозяину. Но сладостной чувственности Востока, где мужчина крайне редко посвящает всю свою любовь одной-единственной женщине, он все-таки лишился. Равная ему по положению женщина требовала здесь вечной преданности исклю-

чительно ей. Это было немыслимо, но Дерек принял эту особенность жизни Запада.

Он понимал, что и Каролин ждет от него преданности. Сейчас она думала, что граф ей верен. То, что это было не совсем так, однако, не вызывало у него чувства вины. Ведь его нельзя было обвинить в том, что он ее не любил. Дерек обожал Каролин. На Востоке она была бы его *икбаль* – любимой женой. Но она была больше, чем икбаль. Каролин была его самым близким другом, а такие отношения между мужчиной и женщиной невероятны на Востоке. Дерек был совершенно уверен поэтому, что сможет соответствовать английским стандартам хорошего мужа и не даст Каролин поводов для сожаления. Ему просто придется быть поосторожнее.

Но все это будет потом. Сейчас у него нет одной-единственной жены, утром начнется долгое путешествие в Барику, и кто знает, сколько времени пройдет, пока ему доведется встретить в другой раз такую же услужливую девушку, как Клер.

Глава 8

– Идемте, лалла, вам надо чего-нибудь поесть.

– Зачем?

Хаким с беспокойством смотрел на девушку, свернувшуюся клубком на низкой кровати. Волосы ее, которые она давно не расчесывала сама и к которым не позволяла притрагиваться другим, свалялись в какую-то паутину из серебряных узелков. Синева под глазами свидетельствовала о бессонных ночах. На ней было то же самое платье, которое девушка надела четыре дня назад, когда ей вернули узел с одеждой, и его лиловый цвет еще больше подчеркивал бледность ее лица. Она не переодевалась даже на ночь и спала прямо в нем. Единственное, на чем не отразилось бедственное состояние девушки, был тон ее голоса, изредка раздраженный, чаще холодно-враждебный.

Стены каюты, в которой находилась Шантель, теперь были украшены ярким шелком. На полу лежали мягкие меховые коврики. Нашли даже тюфяк, который тоже обтянули шелком, и положили на него широкие подушки. За решетчатой перегородкой в углу каюты поставили медную ванну. Но девушка никак не отреагировала на все эти улучшения обстановки, в которых активно участвовал и Хаким. Она не притронулась ни к кусочку источающего тонкий аромат мыла, ни к сосуду с благовонным маслом, нетронутой оставалась и

вода, которую Хаким каждый день подогревал.

С тех пор как ее схватили, Шантель не съела ни кусочка. Она отказалась даже от деликатесов, которые специально для нее выделил из собственных запасов капитан. Хакиму казалось, что весь имеющийся запас доводов на ее уговоры он уже исчерпал. Он говорил о том, что бояться ей нечего, описывал богатую и полную удовольствий жизнь, которая может ожидать девушку, рассказывал, что ее вполне может купить в жены какой-нибудь высокопоставленный государственный чиновник. Хаким доказывал, что жены пользуются гораздо большей свободой, чем наложницы, и то, что она еще сможет быть вполне счастлива вопреки своим диким предчувствиям. Но девушка, казалось, пропускает все это мимо ушей, а может, просто не верит ему. Что говорить еще, Хаким не знал.

– Ваши страдания напрасны, лалла. Если вы умрете, какой в том будет резон?

– Самый прямой, – ответила Шантель, – я сохраню семейную честь Бурков от позора рабства.

Хаким вздохнул.

– Будь вы мужчиной, это было бы действительно так. Но с женщинами все иначе. Я уже говорил вам…

– Ничего подобного, – оборвала его раздраженно Шантель. – Я в любом случае буду рабыней.

Хаким посмотрел на серебряный поднос с нетронутой пищей и решил, что отступать ни в коем случае нельзя. Помо-

щи ждать неоткуда. Ее необходимо заставить поесть.

– Напрасно вы истощаете свои силы, лалла. Скоро уже будет невозможно спасти вас.

– И что?

– То, что существует реис Мехмед. Когда он поймет, что до Барики вас живой не довезти, вы потеряете для него всякую ценность. Он отдаст вас команде. Они будут пользоваться вашим телом, пока вы не умрете.

У Шантель перехватило дыхание от такой страшной перспективы. Она гневно взглянула на маленького турка.

– Меня уже изнасиловали на этом корабле. Случится ли это еще несколько раз, большого значения не имеет.

– Изнасиловали? Да ты в своем уме, женщина? Реис Мехмед с живого бы содрал кожу, если…

– Ваш мерзкий капитан сам помогал держать меня, когда это происходило.

При этих словах Хаким сначала лишился дара речи, а затем вынужден был собрать все свои силы, чтобы не засмеяться. Неужели она и впрямь была до такой степени невинной? Конечно! Иначе бы ей не пришло в голову, что ее изнасиловали.

– Лалла, поверьте мне, вы и сейчас девушка, – произнес Хаким как можно мягче.

– Я не дура! – вскричала Шантель.

– О нет. Конечно, нет. Но вы молоды и… и можете ошибаться относительно того, что с вами сделали. Тот, кто, ну,

тронул вас… Он не мог… Я имею в виду, что он не способен… Он – евнух. Понимаете, что это значит?

Щеки Шантель пылали.

– Да, – пролепетала она.

– Он просто проверил, девушка вы или нет. И убедился в том, что девушка. Это было сделано лишь для того, лалла, чтобы определить вашу ценность. Таким образом проверяют всех женщин, которых удается захватить корсарам.

Шантель уже не слушала его разъяснений. Ее смущала собственная глупость. Вместе с тем неожиданное сообщение Хакима о том, что ее девственность сохранена, несколько успокаивало. Но разве можно забыть пережитое унижение? Нет, в ее положении ничего не изменилось. Ее все-таки намерены продать в рабство.

– Это не имеет значения, Хаким.

Такое упрямство взбесило маленького турка.

– Значит, ты не возражаешь, чтобы тебя изнасиловала дюжина мужчин?

Она вздрогнула, но затем закивала головой. Какая разница, быть изнасилованной дюжиной мужчин сейчас или немного позже одним и постоянно? В любом случае она будет изнасилована. Если это произойдет на корабле, то по крайней мере со всем будет покончено. Разве сможет она долго выдержать в таком ослабленном состоянии, как сейчас?

– И против того, чтобы перед этим вам причинили неболь-

шую боль, тоже не возражаете, да? – продолжал допрос Хаким.

Глаза Шантель сузились.

– Что ты имеешь в виду?

– Неужели вы думаете, что реис Мехмед будет сидеть в сторонке и ничего не сделает для того, чтобы изменить ваше поведение? У вас есть время только до конца сегодняшнего дня, лалла. Потом он прикажет бить вас по пяткам палками. Если вы не знаете, что это такое, я могу объяснить: это такая пытка, которая не портит кожу, а следовательно, и не снижает ценности того, кто ей подвергается. Нежные ступни ваших ножек будут долго бить тростью. Они очень чувствительны, поэтому будет ужасно больно, даже для более грубых людей это весьма неприятное ощущение. Хотите, чтобы вас пытали таким образом до смерти?

Услышанное заставило девушку приподняться, и она оказалась сидящей на своей кровати перед подносом с едой. Но глаза ее смотрели на собеседника с еще большим гневом и злобой, чем раньше.

– Ты негодяй, Хаким Бекташ, – произнесла Шантель ледяным голосом. – Какого черта ты не рассказал мне раньше об этой ужасной пытке?

– Я не думал, лалла, что вы окажетесь такой упрямой. Упрямство не лучшая черта для женщины. Если бы вы сами захотели, я бы мог помочь вам.

– Единственное, чем ты можешь помочь мне, – это дать

мне возможность покинуть корабль.

Он медленно покачал головой – обычный знак его сожаления.

– Этого я не могу. Но есть очень многое, чему я могу научить вас: обычаям Востока, языку. Я могу подготовить вас к новой жизни. Не лучше ли подготовиться, знать, что вас ожидает, чем войти в нее подобно слепцу?

Довольно долго Шантель пристально смотрела в глаза Хакима, затем взяла с подноса кусочек хлеба. Полным согласием это считать еще было нельзя, но все-таки это был признак согласия. Она, возможно, упряма, но дурой она никогда не была.

Глава 9

Время Шантель полетело с угрожающей быстротой. Хаким почти постоянно находился с ней, используя каждую минуту, чтобы чему-нибудь ее научить: мусульманским обычаям, истории Барики, роли женщины в странах Востока. Но больше всего внимания они уделяли арабскому – языку, на котором говорили все жители Барики, с раннего детства знакомому Хакиму. Не забывал Хаким и об уроках второго своего родного языка – турецкого, который предпочитали высшие должностные лица государства. Шантель старалась запомнить все что могла. С тех пор как она согласилась с Хакимом в том, что только знания помогут ей встретить будущее во всеоружии, девушка сама настаивала на занятиях.

Не все давалось ей легко. Так быстро выучить совершенно незнакомый иностранный язык непросто, особенно если мысли и так путаются от страха. А избавиться от измучившего ее страха она никак не могла.

Шантель пыталась. Она искала и даже находила в своих злоключениях светлые стороны. Ведь ей в любом случае было необходимо на какое-то время бесследно исчезнуть, а теперь это получилось само собой. Время от времени ей удавалось возбудить надежду, что еще не все потеряно. Может же она попасть в такой большой гарем, что хозяин совсем не обязательно захочет провести с ней ночь. Хаким говорил ей,

что когда в доме больше двадцати женщин, не каждая из них удостаивается внимания господина. Конечно, он при этом настаивал, что заслужить внимание хозяина будет для нее совсем неплохо, но она-то не собирается к этому стремиться. А потом Шантель как-нибудь убежит, найдет английского консула, и тот тайно переправит ее из Барики домой.

Она цеплялась за мысль о возникновении чудесной возможности вернуться домой. Это было единственное, что ей оставалось. Но страх не покидал ее. Девушку пугала сама предстоящая процедура ее продажи. Хаким избегал разговоров об этом, а пока все не произойдет, о будущем нельзя сказать ничего определенного. Ведь вовсе не исключено, что ее купит человек, у которого нет жен, вообще нет женщин, среди которых могла бы затеряться Шантель. Такой мужчина, конечно же, изнасилует ее, хотя, наверное, может жениться на ней и считать рожденных ею детей своими. Избави боже! Что будет с ней? Неужели ей суждено сгинуть навсегда? О ужас, ужас!

А Хаким еще время от времени с идиотской настойчивостью пытался подбодрить ее своими рассуждениями о том, как это будет здорово, если мужчина, который купит Шантель, захочет жениться на ней.

– Он непременно будет очень богат, иначе ему просто не заполучить вас. И вы станете его любимицей, его икбаль. Родите ему сыновей, а он будет гордиться вами и сделает главной женой.

Главной женой! Она дрожала от страха и негодования всякий раз, когда Хаким говорил это. Отвратительным было уже то, что мужчина имел законное право иметь четырех жен, если ему этого захочется, а ведь у него могут быть еще и наложницы, число которых вовсе ничем не ограничивается. Сотни женщин для одного мужчины! Это не укладывалось в ее европейском сознании. Девушка не понимала, как сами женщины терпят это. Правда, доходя в своих рассуждениях до этого места, Шантель напоминала себе, что они и не имеют права выбора, ведь наложницы – это рабыни, захваченные в военных походах, разбойничьих рейдах и пиратских набегах. Рабство стало неотъемлемой частью всей культуры Востока.

– Неужели вы жили намного лучше? – спросил однажды Хаким, когда ее особенно возмутило то, о чем он рассказывал. – Браз говорит, что увидел вас тогда на берегу убегающей от кого-то с одним маленьким узелком.

Вопрос задел Шантель за живое.

– По крайней мере у меня был выбор, Хаким. Я не захотела оставаться там, потому что меня собирались насильно выдать замуж за нелюбимого человека. А какой выбор есть у меня сейчас?

– Вы можете принять новую для себя жизнь или нет. Вы можете пойти дальше, лалла, если вы все-таки выберете ее. Сможете добиться богатства и определенной степени свободы. Для этого вам надо просто попытаться стать самой лю-

бимой…

– Я не собираюсь продавать себя! Уж лучше оставаться рабыней и работать на кухне.

Хаким с негодованием всплеснул руками и вышел из каюты. Шантель расплакалась. Сказанное было не просто словами, а чистой правдой. Лучше для нее заниматься самой тяжелой работой, чем согревать своим телом постель чужого для нее человека. Правда, еще лучше не делать ни того ни другого. Боже! Есть ли после всего, что произошло, оправдание для Чарльза Бурка? Это он виноват, что она оказалась здесь! Это его вина, что она столь испугана и беспомощна, что ее принуждают к совершенно неприемлемому образу жизни!

Ее американские родственники поймут, что она убежала. Тетя Элен, приехав в Дувр, тоже так подумает, когда ей расскажут о планах Чарльза. Какое-то время она будет надеяться, что Шантель даст знать о себе при первой возможности. Станет тщетно ждать, волнуясь и переживая все сильнее по мере того, как будет проходить день за днем, не принося ни единой весточки от племянницы. И никто в целом свете так и не узнает, что же на самом деле случилось с девушкой. Она просто исчезнет, не оставив никаких следов в Англии.

За все время путешествия произошел лишь один сравнительно сильный шторм, который на несколько дней задержал продвижение их корабля к цели. Шантель очень надеялась, что это не последнее препятствие, но тщетно. Небо оста-

валось безупречно чистым, судно беспрепятственно проскользнуло сквозь узкий Гибралтарский пролив, и жара в ее комнате еще больше усилилась. Как раз на следующий день после того, как они оказались в Средиземном море, девушка смогла наблюдать корсаров за их жестокой работой.

Шантель была шокирована, поняв, что корабль совершает маневр для атаки. Что происходит, на бегу сообщил ей Хаким. В Атлантике они спокойно прошли мимо нескольких судов, и девушка посчитала, что корсары в этом путешествии больше не собираются охотиться за добычей. Оказалось, однако, что они просто ждали того момента, когда очутятся в родных водах.

– Не надо беспокоиться, лалла, – успокаивал ее Хаким. – Думаю, что даже наши пушки не понадобятся. Приближается вечер, и у нас есть все шансы захватить это торговое судно внезапно. Подойдем к нему со стороны солнца, и они не успеют понять, с кем имеют дело. Командир уже приказал поднять нужные флаги. К тому же у нас есть парень, который будет заговаривать купцов приветствиями на их языке. Мы возьмем это судно на абордаж, прежде чем там поймут, что они в опасности.

О корсарах Шантель не беспокоилась. Охватившее ее беспокойство объяснялось тем, что она неожиданно осознала возможность получить помощь оттуда, откуда она ее раньше не ожидала. Если корсары сейчас проиграют бой и их корабль сам будет захвачен моряками с торгового судна, она

будет спасена!

Именно об этом она начала просить небеса сразу, как только дверь каюты закрылась за Хакимом, и ее горячая молитва продолжалась не менее получаса. Собственно, это было единственное, что она могла делать в этот момент. Наверху ужасно шумели. Крики и вопли людей перемешивались с клацаньем, которое издавали сабли и мечи при ударах о щиты и друг о друга. Но как оказалось, весь этот гам производили сами корсары, он являлся частью их стратегии и был направлен на устрашение жертвы. План нападавших сработал. Неаполитанское торговое судно и в самом деле оказалось довольно легкой добычей. Атака была столь неожиданной для его команды, что корсары одержали почти бескровную победу. Неаполитанские моряки превратились в пленников, а их корабль – в горящий факел. Его подожгли, потому что победителей оказалось слишком мало, чтобы разделиться на два экипажа.

В течение трех последующих дней Шантель пребывала в крайне подавленном состоянии. Ее не покидали мысли о тех людях, которые оказались скованными цепями в трюме корабля и скоро, подобно ей самой, будут проданы в рабство. Хаким начал было отвечать на ее вопросы о будущем пленников, но только еще больше напугал девушку, представившую, как их, полуобнаженных, будут в цепях сводить с корабля. Он отказался обсуждать эту тему и только заверил, что прибытие в Барику самой Шантель будет совершенно

иным.

Наверное, иным, но менее ли ужасным? Это Шантель предстояло выяснить довольно скоро. Через двенадцать дней после захвата торгового судна в маленькое окошко ее каюты девушка увидела Барику – один из самых блистательных городов всего протянувшегося от Марокко до Египта побережья Северной Африки, известного в Европе как Варварский берег. Барика, сияющая белизной под ярким полуденным солнцем, и впрямь походила на драгоценное украшение, брошенное кем-то на берег. Плоские крыши близко расположенных друг к другу белых домов ступеньками поднимались по склонам стоящих у моря холмов, в обе стороны от которых расходились переливающиеся изумрудной зеленью поля и пастбища. У подножия холмов искрилась голубая вода удобной гавани. А над всем этим великолепием простиралось лазурное безоблачное небо. Восточный колорит городу придавали возвышающиеся над домами и видимые издалека большие зеленые купола мечетей, каждый из которых был окружен четырьмя упирающимися в небо минаретами. Еще были видны конические крыши сторожевых башен и, конечно, огромное здание, оседлавшее самый высокий из холмов, которое не могло быть не чем иным, как дворцом дея.

Еще несколько довольно больших зданий, крыши которых выглядывали из-за окружающей Барику высокой стены, располагались прямо около гавани. Это были склады, предназначенные для грузов, доставляемых в город многочис-

ленными торговыми судами, большое количество которых и сейчас демонстрировало в порту флаги самых разных стран мира. Не менее значительно выглядели казармы солдат двадцати крепостных батарей, защищающих берега Барики с помощью тысячи орудий, а также тюремные бараки, заполненные бесчисленными рабами.

В Барике была и христианская церковь, но Шантель не заметила ее шпиль. Взгляни она вовремя в нужную сторону, возможно, в ее прекрасных глазах не было бы сейчас такого ужаса. Хаким почему-то не рассказал ей, что дей терпимо относится к христианам, и довольно много их живет в городе не только в качестве рабов, но вполне свободно. В Барике была даже целая христианская колония, центром которой и была церковь. Церковное здание вполне могло бы стать для нее ориентиром и, возможно, убежищем, если бы девушка решилась на побег. Ведь найти сразу английское консульство у нее было не так много шансов. Но Шантель не увидела церкви, да у нее и не было времени, чтобы рассматривать город. Корабль совершил быстрый маневр и бросил якорь.

Вскоре раздались звуки, говорящие о том, что на палубу выводят плененных мужчин, которые провели двенадцать страшных дней в трюме. Не в силах переносить их стоны и звон цепей, девушка упала на постель, заткнула уши и разрыдалась, уткнувшись в подушку. Долго ли и она пробудет в этом своем временном убежище? Да, корабль ей казался уже спасительным пристанищем по сравнению с тем, что ждало

ее впереди.

Но время шло, и за ней никто не приходил. Слезы постепенно иссякли. Эмоциональное перенапряжение опустошило Шантель. Она была уже готова на все, лишь бы появилась хоть какая-то определенность, лишь бы избавиться от измучившего ее страха перед неизвестностью.

Когда Хаким наконец пришел, был уже почти вечер. Он нес поднос с едой и какую-то одежду, перекинутую через руку.

Но при взгляде на пищу Шантель почувствовала спазмы в желудке и поняла, что ее вот-вот стошнит.

– Убери это, – едва выговорила она.

– Вы не покинете корабль до позднего вечера, пока город не успокоится, лалла. И до этого вам лучше поесть.

– Я бы не хотела произносить вслух, что ты должен сделать с этой едой, Хаким!

Он улыбнулся в ответ на ее неприветливый тон, но улыбка получилась грустной. Припухшие глаза девушки рассказали ему о ее переживаниях. Вообще-то пленников не следует жалеть. Они товар, и больше ничего. Эта была просто подороже, чем другие. И все-таки Хакиму было жалко Шантель. Его трогало явное противоречие между непокорностью и гордостью, читавшимися во взгляде девушки, и ощущаемой ею беззащитностью, которую предательски выдавала дрожь губ.

Хаким, к своему несчастью, успел немного влюбиться в нее, хотя сам еще и не понимал этого. Он ощущал только, что

при встречах с ней испытывает какое-то странное чувство, с которым не в состоянии справиться. Впрочем, сделать для нее что-то он тоже не мог. Даже сопровождать ее в город будут другие, и как только она сойдет с корабля, он больше никогда не увидит эту пленницу.

Хаким понимал: главное, что сейчас нужно ей, – это смелость. Только преодолев страх, девушка может избежать неприятностей из-за своего слишком острого языка, которого ей, если говорить честно, и следовало опасаться больше всего в ее нынешнем положении. Мусульмане уважают смелость, но не переносят оскорблений, ценят силу духа, но не терпят, когда их унижают. К тому же Хамид Шариф, к которому она попадет сегодня вечером, был не из тех, кто славится терпимостью и пониманием.

– Разве не вы говорили мне, что являетесь женщиной благородного происхождения? – спросил Хаким, переставляя поднос на небольшой табурет, стоящий за почти таким же невысоким столом. – Наследница титула? Дочь знатного англичанина?

– Браво! – воскликнула Шантель с явной издевкой. – Ты можешь гордиться своей памятью.

– А вот о вашем злом язычке я бы этого не сказал, лалла. – Девушка в ответ сердито фыркнула, но он продолжал говорить совершенно спокойно: – Если бы вы не сказали мне о своем происхождении, я бы мог принять вас за крестьянку. Крестьяне могут рассчитывать только на собственные руки,

чтобы защитить себя. Благородный человек мудрее. Он знает, как можно прекратить борьбу, не унизив ни себя, ни противника.

– Лучше не говори мне об этом. Ведь ты даже не представляешь, что я сейчас чувствую!

– Я и не могу знать об этом, – согласился он. – Я только могу напомнить, что вы ценны, а значит, к вам будут относиться хорошо и внимательно. Когда раб теряет ценность для своего господина, его бьют, продают или убивают. Но к вам это совершенно не относится. Ведь ваша ценность не в сильной спине или владении каким-то ремеслом, а в вашей красоте. Поэтому плохое обращение с вами не имеет смысла. Большинство наказаний просто не могут быть применены к вам, поскольку сразу снизят вашу ценность.

– Зачем ты мне это говоришь? – возмущенно спросила девушка.

– Затем, чтобы вы не совершили ошибку, представив себя не той, кто вы есть на самом деле, и тем самым снизив свою ценность. Вы – леди, женщина, обладающая достоинством и умом, и это ваше право ожидать, что с вами будут обращаться соответствующим образом. А выйдет ли по-вашему, зависит и от вашего поведения. Чувство страха естественно в вашем нынешнем состоянии, но проявлять ли его – это вопрос. Намерены ли вы и впредь защищаться с помощью бесполезных насмешек и оскорблений или будете вести себя в соответствии со своим происхождением и прежним

положением?

– Я еще не думала…

– Так думай, женщина! – выпалил он. – Какой ты предстанешь перед ними, таким будет и их отношение к тебе. Все знают, что деревенская девушка, какой бы хорошенькой она ни была, выросла в трудностях, а значит, слишком церемониться с ней не обязательно. Зачем же вам самой загонять себя в такое положение, если от этого не будет никакой пользы?

– Но почему я должна что-то предпринимать? Я же на самом деле та, за кого себя выдаю.

– Любая может сказать, что она леди, но докажет правоту ее утверждения только то, как она будет себя держать. Я знаю, что когда вы пытались унизить меня, вы делали это вовсе не для того, чтобы причинить мне боль. Таким образом вы просто хотели скрыть свой страх. Но я пробыл с вами довольно долго, прежде чем понял это. У Хамида Шарифа не будет времени, чтобы сделать такое же заключение. Теперь вы понимаете, лалла?

Смягчившись, Шантель кивнула и даже слегка улыбнулась Хакиму, как бы благодаря его за это предупреждение, хотя и считала, что оно ей ничем не поможет. Девушка уже начинала привыкать к маленькому турку. В его обществе она чувствовала себя не так тревожно, зная, что он по крайней мере не хочет причинить ей зла. С новым незнакомым человеком столь разговорчива она, однако, не будет. А может,

и будет? В моменты, когда ее охватывала паника, Шантель не отличалась ни холодностью рассудка, ни продуманностью действий. Она достаточно убедилась в этом во время своих злоключений. Конечно, смелость ей бы не помешала, только откуда ей неожиданно появиться в нужный момент?

– Как же я могу не бояться, Хаким? – спросила она почти шепотом.

Он мог бы сказать ей с полной уверенностью, что тот, кто купит ее, сам будет так стараться угодить ей, что ей достаточно лишь пойти ему навстречу. Но Хаким знал девушку уже достаточно хорошо, чтобы понимать, что этот совет надо оставить на самый крайний случай, ведь необходимость угождать будущему хозяину таким образом и страшила ее больше всего. Ему оставалось только надеяться, что в нужный момент Шантель поступит так, как следует. Но что все-таки может он сказать ей сейчас, кроме того, что уже было сказано раньше?

– Никто и не думает, лалла, что вы можете совсем не испытывать страха. Но разве понимание того, что вы слишком ценны, чтобы причинять вам физическую боль, не может придать вам большей уверенности? Вы уже ко многому готовы и знаете, чего ожидать. Вы немного понимаете язык, а со временем будете знать его совсем хорошо. Очень немногие пленники могут сказать о себе то же самое. Наши капитаны обычно не думают о том, чтобы подготовить пленников к их будущей жизни, они даже не заботятся о том, чтобы

будущих рабов доставляли в том же состоянии, в котором они были захвачены. Реис Мехмед просто посчитал, что будет более полезным изменить наши обычные порядки, чтобы вы поменьше плакали и сопротивлялись, когда вас передадут Хамиду Шарифу. Хамид Шариф будет доволен, а это весьма полезно для нашего капитана. Да и для вас, лалла, поверьте. Вам не надо бояться того, что вы прибыли в Барику. Все будет хорошо.

– До тех пор, пока меня не продадут! – не удержалась все-таки от выпада Шантель.

Хаким неодобрительно взглянул на нее, но продолжать разговор он уже не мог.

– Вот одежда, которую прислал капитан. Он хочет, чтобы вы сошли с корабля в ней. Вы должны быть готовы через три часа после захода солнца.

Он стал одну за другой показывать окрашенные в неброские цвета вещи, которые ей предстояло надеть. Все они были изготовлены из прочной хлопковой ткани. Исключение составляла только чадра – обязательная принадлежность местной женщины, выходящей в город. Она представляла собой вуаль из темного газа. Девушка увидела шаровары, показавшиеся ей похожими на мужское нижнее белье; тунику с длинными рукавами, которую Хаким выбрал на свой вкус; короткую жилетку с единственной пуговицей, застегивающейся на груди; широкий кушак и массивный кафтан – длинное, напоминающее пальто одеяние, которое на Востоке но-

сят и мужчины, и женщины. Обуви не оказалось, возможно, потому, что ее собственные туфли были еще в достаточно хорошем состоянии, несмотря на то, что насквозь промокли во время ее неудавшегося побега.

Больше всего Шантель не понравились шаровары. Они, с ее точки зрения, годились лишь для того, чтобы быть пододетыми под другую одежду.

– Может, я просто надену вуаль и этот балахон на мое собственное платье? – спросила она, указывая на кафтан.

Хаким отрицательно покачал головой. Заметив выражение недовольства на лице девушки, он не смог сдержать улыбки. Одежда сделала то, чего он столько времени не мог добиться словами: Шантель перестала ощущать страх.

– Ваша одежда слишком необычна для этих мест. Длинная юбка будет выглядывать из-под кафтана. А нам нужно, чтобы любой, кто может увидеть вас сходящей с корабля, не обратил на это внимания, а подумал, что это просто какая-то мусульманка, приплывшая с нами. Хамид Шариф хочет, чтобы о вас ничего не знали до тех пор, пока не будут объявлены торги. По его задумке, в них должны принять участие только избранные, те, кто может заплатить за вас действительно большие деньги. А кроме того, – продолжал Хаким нерешительно, – вашу одежду носить вы больше не будете. В Барике вы будете одеваться соответственно вашему…

– Новому положению? – со злостью в голосе прервала его Шантель.

Хаким покраснел.

– Неужели вы и после всего того, что я вам рассказал, надеялись на другое?

Она опустила глаза.

– Нет, конечно… Но я все-таки думала, что мне удастся сохранить хотя бы свой облик, мою расческу, мои…

– Нет, лалла, вы не можете оставить ничего. Рабыня приходит к новому хозяину без единой собственной вещи, чтобы тот подарок, который он ей сделает, сразу вызвал у нее чувство благодарности.

Кровь ударила в голову Шантель. Конечно, Хаким говорил об этом и раньше. Но понимание того, что она вот прямо сейчас должна оставить то последнее, что сохранилось у нее от дома, вернуло ее прежнюю ярость и гнев.

– Не имеет смысла традиция, которая подрывает доверие и искореняет в человеке самоуважение, – раздраженно выпалила она. – Я должна буду униженно просить всякий раз, когда мне потребуется пища или смена одежды? Я не буду этого делать. Ты же знаешь, я не буду клянчить!

– Вам не придется просить, вы и так получите все, что нужно, – ответил он медленно, как ребенку. – Но почему вы так упорно стремитесь забыть все, о чем я вам говорил?

– Потому что я ненавижу все это! Эти ваши традиции придуманы лишь для того, чтобы сломить меня!

– Что вы должны сделать – это забыть свою прежнюю жизнь, и лучше, если вам ничего не будет напоминать о ней.

Вы примете…

– Никогда!

– Так будет, лалла, – сказал со вздохом Хаким. – Это неизбежно.

Глава 10

Рахмет-заде услышал голос женщины, говорившей по-английски. Его послали в порт собрать сведения о пассажирах английского торгового судна, которое прибыло утром. Заниматься этим ему приходилось не в первый раз. Вот уже три недели он наводил справки о всех иностранных кораблях, прибывающих в Барику. Как правило, он приступал к этому, когда стемнеет. В эти часы Омар Хассан разрешал морякам и пассажирам всех кораблей сходить на берег. Началось все это в тот день, когда кто-то, кого ждали во дворце, не прибыл. Тогда Рахмет и получил приказ пойти в гавань.

Задание было немного унизительно для него, во всяком случае, он так думал. Рахмет был капитаном дворцовой стражи и не мог испытывать гордость от того, что его послали ходить здесь и задавать эти бессмысленные вопросы. Омар мог вполне поручить это кому-то из своих любимчиков. Но выбрал он почему-то именно его. Могли бы хоть объяснить, чем же так важно это задание, но и этого не сделали. Впрочем, великий визирь редко что-нибудь объясняет, обычно же не утруждает себя этим.

Рахмет сердился. Ему казалось, что задание дано ему в наказание за что-то, но никакой вины он за собой не помнил. Настроение совсем испортилось, и капитан дворцовой стражи уже собрался отправляться назад во дворец, как вдруг

услышал этот высокий сердитый голос. Рахмет остановился.

Было просто случайностью, что он догадался, на каком языке говорит женщина. Он сам по-английски не понимал и даже при серьезном разговоре на этом языке присутствовал только один раз. А переводчик, которого он брал с собой, уже убежал по своим делам, чтобы не попасть под горячую руку пребывающего в дурном настроении Рахмета, и его спина мелькала уже в воротах гавани.

Насторожило Рахмета какое-то несоответствие происходящего. Говорившая женщина находилась явно не на английском судне. Корабль, с которого донесся ее голос, принадлежал Хамиду Шарифу. Когда он пришел сегодня утром, в гавани было очень шумно, так как корабль привез много рабов. Тому, что на его борту находилась какая-то англичанка, быстро приходящего на ум объяснения не было. Непонятно было, почему вообще на корабле находятся какие-то люди, ведь он прибыл в родной порт и уже был разгружен. Но палуба была освещена, и в воде отражалось несколько светящихся окон.

Любопытство Рахмета росло. Англичанки, а никем другим говорившая женщина быть не могла, попадали в Барику нечасто. Если она пленница, то почему тогда ее не увели вместе с остальными рабами? Все это было явно необычно. А в обязанности капитана дворцовой стражи сейчас как раз и входило докладывать Омару Хассану обо всех необычных событиях, какими бы незначительными они на первый

взгляд ни казались. Ведь источник опасности, которая угрожает дею, пока не раскрыт.

Рахмет ударил себя ладонью по лбу. Каким же он был глупцом! Именно из-за *этого* великий визирь и посылал его сюда так часто. Он, наверное, ждал известий об этой англичанке, но не хотел, чтобы Рахмет знал об этом. Говорить об истинных причинах и не было необходимости. Омар Хассан был уверен, что его посланец не прозевает подобную странность и доложит ему о ней.

Этот вывод был более приятен, чем мысль о том, что его отправили в порт в наказание. Рахмет успокоился и пошел к воротам, не спуская глаз с корабля Хамида Шарифа. Он надеялся разузнать что-нибудь от стражников, стоящих у входа в порт. Однако напрасно прислушивался к каждому их слову, стараясь не упустить интересующих его подробностей. Стражники заступили на дежурство совсем недавно, после вечернего намаза, и ничего не знали.

И все-таки старания Рахмета не пропали даром. Через некоторое время загадочная женщина сама появилась на палубе корабля. Более того, вскоре она сошла с него в сопровождении двух мужчин. Не было слышно позвякивания цепей, значит, скована незнакомка не была. А по виду ее вполне можно было принять за мусульманку, укутанную в обычную при выходах в город одежду. При всем старании Рахмет так и не сумел разглядеть в ней чего-то, что указывало на иноземное происхождение, хотя стоял всего в двух шагах,

пока один из ее спутников объяснялся с караулом. Ему не удалось разглядеть даже цвета глаз женщины – она застенчиво опустила их, как, впрочем, и надлежало поступить ей в данной ситуации.

Рахмет был раздосадован. Он рассчитывал, конечно, добиться в своих изысканиях большего. Это было вечным несчастьем мужчин, то, что все женщины на улице выглядели одинаково. Принцесса может прийти на базар, и никто ее не узнает. Жена с любовником пройдет мимо мужа, и тот останется в неведении! А можно провести рабыню, и никто не отличит ее от госпожи.

Сопровождающие назвали имя женщины, слишком обычное, чтобы быть настоящим. Они сказали, что она знакомая их капитана, живущая в Алжире, которая решила воспользоваться представившимся случаем, чтобы навестить родственников в Барике. У стражников вопросов не было. А Рахмет, не поверивший ни единому слову, в разговор предпочитал не вмешиваться, чтобы не привлекать к себе внимания. Он намеревался проследить за тем, что будут делать незнакомка и ее спутники дальше. Сейчас его больше всего интересовало, почему с этой англичанкой так возятся. Совершенно очевидно, что ей придают какое-то особое значение. Иначе не побоялись бы свести ее с корабля еще днем, проведя прямо сквозь толпу, собравшуюся поглазеть на разгрузку рабов-неаполитанцев. Если эти расчеты правильны, то женщину поведут в дом Хамида Шарифа, если нет, при-

дется обдумать другие варианты.

Вообще-то, не будь Хамид Шариф человеком, известным своей преданностью дворцу, к тому же работорговцем, Рахмет мог бы предположить более опасные для него объяснения такой секретности и скрытности. Не пахнет ли тут, например, заговором против дея? Ведь и женщины не могут быть вне подозрений. Правда, версия эта опровергалась уже английским языком незнакомки, на который, собственно, и обратил внимание Рахмет. Хорошо известно, что Англия поддерживает Джамиля Решида и не предпримет ничего, что могло бы повредить ему. А вот красивую рабыню тайком переправляют в город для торгов, участниками которых хозяин хотел бы видеть только избранных лиц, далеко не в первый раз. Обычно таких женщин сначала предлагают дею, так что о достоинствах незнакомки скоро заговорят во дворце. Таким образом, то, что сообщит сегодня Рахмет, будет обязательно подтверждено тем или иным путем.

Расчеты оказались верными. Трое, за которыми последовал Рахмет, привели его прямо к дому Хамида Шарифа. С этими новостями он и вернулся во дворец для доклада Омару Хассану, надеясь, что именно их ждет великий визирь и капитана дворцовой стражи больше не будут посылать в порт. Реакция Омара Хассана на сообщение, правда, ему ничего не сказала, и Рахмет мучился в неопределенности еще пять дней, в которых на рейде Барики не появился ни один иностранец. Но и на шестой, когда по городу разнес-

лась весть о прибытии большого и двух малых военных английских кораблей, его оставили в покое. Рахмет понял, что был прав.

Глава 11

На следующее утро Омар Хассан встретил дея в коридоре, ведущем из внутренних покоев в зал для приемов. Возле входа в зал уже собралась довольно большая толпа государственных чиновников, ожидающих обсуждения текущих дел. Но в коридоре никого не было, за исключением двух нубийцев-телохранителей, которые никогда не отходили от дея.

– Можно тебя на минуту, Джамиль? – У Омара была привилегия называть правителя Барики по имени, но пользовался он ею исключительно в личных беседах, наедине. Джамиля Решида великий визирь знал с самого его рождения. Он всегда интересовался тем, как воспитывают будущего дея, даже когда тот находился еще со своей матерью в гареме. Сейчас Омар Хассан полностью разделял мнения мудрецов дивана Барики о том, что еще никогда город не был столь процветающим, как в дни правления Джамиля. Мустафа, отец Джамиля, тоже был хорошим деем, любимым народом. Но у Мустафы не было такого дипломатического таланта, той проницательности, которые так блестяще проявлял Джамиль в общении с иностранными посланцами и консулами зарубежных стран, находящимися в Барике. При нынешнем дее его подданные наслаждались миром и спокойствием, невиданными ни при его отце, ни при старшем брате.

Из многочисленных детей Мустафы Омар больше всего любил Джамиля и его брата Касима. Они с детства проявляли острый ум и, что великий визирь считал еще более важным, обладали врожденным чувством чести и справедливости. Этих двух мальчиков всегда выделял среди своих сыновей и сам Мустафа, что, наверное, имело и отрицательную сторону. Кто знает, не из-за этого ли вырос таким мстительным и эгоистичным первенец Мустафы – Махмуд. В детстве он остро переживал свою отверженность, а когда вырос и стал деем, то за время своего короткого правления успел навсегда добавить к своему имени прозвище «тиран». Но на все воля Аллаха, а он справедлив. Махмуд умер, не оставив сыновей, и, к счастью для Барики, следующим по старшинству в династии оказался Джамиль.

Нынешний правитель Барики привлекал не только чертами характера, но и внешностью. Даже самая взыскательная из его наложниц вряд ли смогла бы предъявить к ней хоть малейшие претензии. От Мустафы он унаследовал высокий рост и угольно-черные волосы. Правда, обычно шевелюру его скрывал тюрбан, но о красоте ее можно было судить по густой бороде, которой мог бы позавидовать любой мусульманин. От отца ему достались также волевой подбородок и орлиный профиль, но утонченными чертами лица и узкими бровями он пошел в мать. Такими же, как у лаллы Рахин, были глаза Джамиля. Это не были глаза араба или турка. Именно благодаря им дей Барики напоминал европейца, что очень

часто облегчало его общение с иностранными дипломатами.

С недавних пор, правда, Джамиль вынужден был прекратить дипломатические приемы, а для решения неотложных дел был оставлен единственный день в неделю. Всем остальным занимался Омар. И то, что дей передал часть своих полномочий великому визирю, также свидетельствовало о его мудрости. Джамиля не могли не раздражать те ограничения свободы передвижения, которые были необходимы в данный момент по соображениям безопасности. Он старался всеми силами подавить свое недовольство, но оно тлело в нем, с каждым днем разгораясь все сильнее и сильнее. Он сам прежде других осознал, что его уравновешенный характер меняется к худшему. Понял он и то, что это может отразиться на справедливости его суждений. Дей не исключал, что в таком состоянии вполне может принять неверное решение или кого-то незаслуженно обидеть.

– Скрываешься здесь от своих обязанностей, Омар? – пошутил, подойдя к великому визирю, Джамиль.

Старый царедворец улыбнулся.

– Это не совсем так.

– Что же тогда привело тебя сюда?

– Ничего важного, – ответил Омар. – Я почему-то подумал, что вы, возможно, захотите обсудить вопрос о покупке новой рабыни для своего гарема.

Джамиль сдвинул брови.

– Не обманывает ли меня слух? Ты не приходил с такими

разговорами…

– Выслушай меня, мой господин. – Омар отступил назад. Это был его обычный прием, который вовсе не означал, что он опасается гнева Джамиля. Высокий рост дея был почти единственным, что неизбежно отделяло от него Омара, который любил Джамиля как собственного сына и справедливо полагал, что чувство это было взаимным. – Я знаю, что в твоем гареме женщин достаточно, но эту я предлагаю с особым расчетом.

Черная бровь дея приподнялась, придав его лицу строгое выражение, одновременно, однако, на нем появилась улыбка.

– Ты хочешь, чтобы я купил какую-то женщину и спрятал ее в своем гареме? Твои жены опять доставляют тебе беспокойство своей ревностью, старина?

Омар рассмеялся.

– О нет, мой господин. Я думаю кое о ком, кто был бы полезен тебе. Мне сказали, что она англичанка, вот почему я завел этот разговор. Ее доставили в город тайно только вчера вечером. Сейчас она в доме Хамида Шарифа. То, что он так тщательно скрывает эту женщину от посторонних глаз, может означать две вещи: она так безобразна, что ее стыдно показать людям, или так прекрасна, что лучше этого не делать. Помнишь, когда он провел по улицам города последнюю привезенную ему красавицу, чуть было не начался бунт. Впрочем, скорее всего единственной причиной того, что он

до сих пор не предложил ее вам, являются ваши прежние многочисленные отказы от его услуг. Если захотите купить эту женщину, я свяжусь с Хамидом Шарифом и успею все уладить до того, как он попытается продать ее кому-то другому.

Лишь на несколько мгновений Джамиль задумался, затем решительно покачал головой.

– Нет, я не думаю, что это надо делать, Омар. Я благодарен тебе за то, что ты заботишься еще и о таких вещах, но полагаю, что готовиться к встрече с неожиданностями следует по-другому, если, конечно, вообще к чему-то надо готовиться. Нужный нам «кое-кто» еще не прибыл, а может, и вовсе не приедет. К тому же совсем ни к чему раздражать своих женщин новым приобретением для гарема сейчас, когда у них и так достаточно оснований быть недовольными мной.

Омар не стал спорить. Он только кивнул головой в знак понимания и поклонился, показывая, что больше не собирается отнимать время дея. Да и что мог он еще сказать, не напоминая Джамилю в очередной раз о его неприятностях? Хорошо уже, что дей старается вести себя так, чтобы его угнетенное состояние не сказывалось на окружающих и не нарушало дворцовых порядков. Джамиль мог быть абсолютно уверен, что рабы боятся его, стража исправно несет службу и нет необходимости устраивать ежедневные проверки, а наложницы, как им и положено, страдают от невнимания господина или, если такое случается, радуются встречам с

ним.

Омар, однако, прекрасно понимал, что дею приходится расходовать очень много сил, чтобы сдерживать себя, и когда-то они могут иссякнуть. Джамиль тоже осознавал это, что само по себе усиливало его раздражение. Сохраняется такая ситуация довольно долго, и терпение правителя Барики на пределе. Его гнев уже прорывается наружу при малейших промахах окружающих. И хотя он сожалеет потом об отданных им в такие моменты распоряжениях, а зачастую и вовсе отменяет их, такие вспышки случаются все чаще.

Великий визирь вздохнул и пошел за Джамилем в зал приемов. Взглянув мельком на толпу жаждущих говорить с деем, он узнал в одном из них слугу Хамида Шарифа. Скорее всего он пришел затем, чтобы сообщить о новой рабыне, и вряд ли можно было сомневаться, что Джамилю повторный разговор на одну и ту же тему не понравится. Зачем вообще его пустили сюда с таким пустяковым вопросом? Впрочем, это опять же была промашка самого Омара, который не взглянул лично на добивающихся приема, а поручил выслушать их вечно спящему писарю. Не теряя времени, Омар знаком подозвал пришедшего от Хамида Шарифа и вышел с ним в приемную.

– Дею не нужны новые рабыни ни для гарема, ни для дворцового хозяйства.

– Но, мой господин…

– Да? – произнес великий визирь таким тоном, который

заставил собеседника опустить голову совсем низко. Мало кто мог решиться возражать первому министру Барики.

– Простите меня, мой господин. Но поверьте, хозяин не стал бы беспокоить вас, если бы речь не шла о самой ценной жемчужине, какая когда-либо попадала ему в руки.

– В самом деле? – несколько смягчился Омар.

– Это истинная правда, мой господин. Я сам видел ее.

– Тогда мне остается сожалеть вместе с вами. Англичанка?

Глаза слуги, кивнувшего в ответ, расширились от удивления. Он не подозревал, что шпионы дворца уже успели выследить девушку. Наверное, они все-таки заметили ее, когда она сходила с корабля. А может, это дело рук не дворцовых соглядатаев, а иностранных консулов, не отстающих от них в подобных делах? Поистине трудно что-то утаить в Барике! Непонятным при этом оставалось одно: почему голова того злоумышленника, который стоит за попытками убить дея, до сих пор не выставлена на всеобщее обозрение на воротах дворца?

– Передай своему хозяину, мы благодарны ему за то, что свою «жемчужину» он первому предлагает дею, – продолжал Омар. – Его заботы не будут забыты. Но сейчас дей новых рабынь не покупает. Что, впрочем, вовсе не означает, что он не будет этого делать и впредь. Зайди ко мне еще раз, попозже. А сейчас не стоит беспокоить его такими пустяками.

«Как жаль!» – подумал про себя великий визирь. Но Джа-

милю все еще угрожает серьезная опасность. Убийцам необходимо противопоставить что-то совершенно неожиданное для них. Именно сейчас как никогда они с Джамилем нуждаются в том, чтобы их затея с письмом принесла наконец желанный результат.

Глава 12

Прошло четыре дня. Великий визирь в очередной раз отбирал из многочисленных просителей, добивающихся приема у дея, тех, у кого для этого были наиболее веские причины. В кабинет вошел писарь и сообщил, что во дворец прибыл шейх какого-то обитающего в пустыне племени, который привел в качестве дани двух великолепных чистокровных скакунов. На Омара сообщение это большого впечатления не произвело, и он уже собрался перенести прием шейха на следующий день, но писарь вдруг с необычной настойчивостью стал уговаривать его взглянуть хотя бы на лошадей, тем более что они находились сейчас на переднем дворе.

Омар не мог не почувствовать некоторой досады. Неужели секретарь Джамиля посчитал того кочевника столь важной персоной, что не мог сам разобраться с ним без первого министра? Всех дел только и было, что принять у шейха дар и отправить его восвояси. Но тут Омар понял, почему секретарь не взялся за решение этого вопроса. Общеизвестно, что жители пустыни, обязанные по договору с деем выплачивать ему дань, не любят посылать для ее доставки своих вождей. Если с подарками пришел лично шейх, это означало, что ему самому что-то нужно от дея.

Надо пойти ему навстречу. Политика Джамиля в отношении племен пустыни всегда была направлена на их уми-

ротворение, и это было одной из причин того, что Барика столько лет жила без войн. К тому же шейх мог быть и не в курсе последних событий в городе, и ему было совсем не обязательно задумываться над тем, почему дей лично не может принять его дар.

Омар проследовал в соседнюю с его кабинетом комнату, резное окно которой выходило в передний двор. Отсюда ему было отлично видно лошадей, окруженных целой толпой дворцовых чиновников и слуг. Зеваки, впрочем, держались на приличном расстоянии от своенравных животных, которых с трудом сдерживали два молодых араба.

При взгляде на них великий визирь испытал потрясение, подобного которому не переживал уже давно. Перед ним были великолепные молочно-белой масти лошади, каковых еще никогда не видели в Барике. Вскоре он понял и то, почему их было так трудно сдерживать. Шейх привел в подарок дею жеребца и кобылицу. О птицы рая! Они могут стать родоначальниками невиданной здесь доселе породы скакунов!

Он все еще восхищенно покачивал головой и тогда, когда вернулся в кабинет, сразу приказав улыбающемуся писарю пригласить шейха. Но неужели этот человек не знает истинной цены своего подарка, достойного самого султана? В любом случае такие лошади не могли быть выращены в пустыне. Тогда откуда же он привел их?

И вдруг Омар подумал о другом. Если на него эта пара произвела такое сильное впечатление, то каково же будет та-

кому ценителю лошадей, как Джамиль, которому придется смотреть на них, понимая, что совершить верховую прогулку он не может? Великий визирь даже застонал при этой мысли. Получалось, что подарок явится еще одним напоминанием дею о том, что он многое не может позволить себе сейчас и неизвестно, когда сможет в будущем.

Поэтому, когда перед ним предстал высокий вождь пустынного племени, Омар был уже далеко не в прекрасном расположении духа. Имя пришедшего человека – Ахмад Халифе – великий визирь сразу припомнить не смог, не наткнулся он на него и при беглом просмотре лежащих на столе бумаг. Возможно, он смог бы узнать его в лицо, но посетитель был закутан в бурнус – объемистый балахон, покрывающий кочевников пустынь с головы до пят, – и низко опустил голову, отчего капюшон бурнуса сползал вниз.

В своем раздражении Омар не стал даже обмениваться с пришедшим обычными в таких случаях витиеватыми приветствиями и сразу перешел к делу.

– Я не помню вашего имени. Из какого вы племени?

– Это ты, Омар? – услышал он неожиданно вместо ответа на свой вопрос.

Великий визирь напрягся. Голос был ему более чем знаком.

– Джамиль? Что за игры?

В ответ раздался хохот. Это насторожило Омара. Он еще больше помрачнел, когда в припадке смеха посетитель вски-

нул голову и из-под капюшона мелькнули гладко выбритые щеки.

– Кто вы? – Голос великого визиря звучал уже угрожающе.

– Давай, давай, старина. Попробуй угадать. Ты не мог забыть меня. Прошло только девятнадцать лет.

От изумления Омар замер с открытым ртом. Никто до сих пор не разговаривал с ним столь неуважительно! Он поднялся из-за стола, чтобы приказать стражникам выкинуть вон этого высокомерного пса. Но как раз в этот момент посетитель скинул наконец свой капюшон, и гневный взгляд великого визиря встретился с зелеными глазами «шейха», смотревшими на него весело и беззаботно. Он вновь сел, точнее, упал на лежащие у стола подушки, так и не закрывая рта.

– Касим? Неужели это и в самом деле ты?

– Никто иной, – последовал дерзкий ответ.

Омар опять поднялся и пошел к посетителю вокруг всего своего длинного низкого стола, заваленного официальными документами и петициями.

– Ты приехал! Аллах услышал наши молитвы, ты и правда приехал!

– А вы думали, что не приеду? – успел еще спросить Дерек, прежде чем оказаться в объятиях Омара. Он и не ожидал, что этот маленький человек, которому почти в два раза больше лет, чем ему, сможет сжать его с такой невероятной силой.

– Мы не знали, – произнес Омар, вглядываясь в столь зна-

комое и столь изменившееся за девятнадцать лет лицо. – Мы не могли знать. Так много писем было отправлено, и так много курьеров было найдено мертвыми.

– А я узнал о ваших делах от Али бен-Халила.

– Значит, он единственный, кто смог добраться до тебя? Продавец шербета?

Дерек, улыбаясь, закивал головой.

– Он еще настаивал, чтобы я после нашего разговора подержал его взаперти.

– Ловкий парень. А ты правильно сделал, что приехал тайно. Я боялся, что ты не догадаешься, но не было иного способа предупредить тебя, кроме как использовать этот простой шифр.

Дерек пожал плечами.

– По-моему, это было как раз то, что нужно, чтобы избежать возможной путаницы.

– Джамиль был уверен, что ты все поймешь.

– Как он?

– Пока никак не пострадал, слава Аллаху. Но в прошлом месяце на него вновь было совершено покушение.

– Вы знаете, кто стоит за этим?

Омар раздраженно всплеснул руками.

– Мы ничего не смогли узнать. Ничего! Тот, кто прячется за спинами наемных убийц, неизвестен даже им самим.

– Это Селим?

– Мы можем полагать, что больше некому, но и никто дру-

гой не может быть вне подозрения.

– Где он сейчас?

Омар вздохнул.

– Последний раз его видели в Истамбуле, при дворе султана. Мы направили целую армию шпионов, чтобы выяснить, где он сейчас, но он слишком хорошо прячется.

– А вы не рассматривали такой вариант, что он сам может быть уже устранен? – рискнул предположить Дерек. – А сколько лет сейчас младшему сыну Мустафы?

– Мюраду только одиннадцать. Но конечно, учитываем в своих расчетах и его, и всех возможных врагов Джамиля.

– А его жен?

Омар ухмыльнулся.

– Ты все еще мыслишь, как мусульманин, Касим.

– Помнится, моя мать рассказывала мне о свирепой вражде между женами Мустафы и о том, что Махмуда два раза чуть не отравили.

– А Джамиль тебе не писал о том, что это было делом рук четвертой жены Мустафы, которая оказалась настолько глупой, что попыталась отравить и его самого, за что и обрела свою могилу на дне моря?

Дерек воспринял сказанное как нечто обыденное. Нет, он не знал об этом раньше. Но топить в море живьем завязанных в тяжелые мешки женщин было излюбленным способом султанов избавляться от неугодных им обитательниц гарема. Считалось, что раз при жизни женщина должна надежно

скрывать от других мужчин свое лицо за куском материи, то лучше, чтобы так же было и после ее смерти. Очень редко гаремных женщин казнят другим способом. Почему Мустафа должен был сделать исключение для своей четвертой жены?

– Жены самого Джамиля? – продолжал Омар. – Конечно, мы думаем и о них, меры безопасности в гареме усилены. Но Джамиль не будет и слушать о каких-либо подозрениях в их адрес, и, честно говоря, я тоже рассматриваю их причастность как наименее вероятное. Не секрет, что все они просто обожают Джамиля. Но что еще более важно, ни один из его сыновей не может претендовать на трон Барики, пока живы Селим, Мюрад и, конечно, сам нынешний дей. Хотя Селим пропал, Мюрад сейчас в Барике, и попыток устранить его не было.

– А что будет, если умрут все сыновья Мустафы?

– Тогда диван рассмотрит вопрос о возможности возведения на трон первенца Джамиля.

– Это может привести к тому, что кадин получит возможность править Барикой от имени своего сына, – напомнил Дерек.

– Но ему только шесть лет, Касим. Будь он старше… Гораздо вероятнее, что диван изберет нового дея, и наследники Мустафы вообще потеряют свои права на трон.

– А твое мнение может повлиять на решение?

Омар засмеялся.

– Клянусь Аллахом, твои рассуждения дают этой пробле-

ме такой поворот, который даже мне не приходил в голову. Ты прав, я могу повлиять на диван. Уверен, что после того, как я тридцать пять лет был первым министром Барики, важнее моего слова здесь может быть только слово самого дея. Но у меня нет сомнений в том, что никто не знает, за какое решение я проголосую в диване, а уж жены Джамиля тем более. Я ведь и сам об этом пока даже не думал. Но хватит, Касим, давай-ка присаживайся. Садись, садись… У нас еще будет достаточно времени поговорить о том, кто повинен в наших бедах. Лучше расскажи, как ты добрался до нас. Новые корабли в Барику не заходили в эти дни, а те, что прибыли раньше, мы внимательно проверили.

– Один из моих друзей взял меня пассажиром на английский военный корабль. Мы вообще-то должны были приплыть еще вчера. Но у нас были небольшие проблемы с алжирскими корсарами, из-за которых судно разошлось со своим эскортом. Думаю, мои спутники появятся на рейде Барики сегодня вечером, в крайнем случае завтра. А меня ночью высадили на берег, и я добрался до вас верхом. Сам понимаешь, нужен был какой-то предлог, чтобы добиться встречи с великим визирем. А кому это удастся быстрее, чем Ахмаду Халифе, прибывшему из пустыни с данью для дея?

– О, лошади! – расплылся в улыбке Омар. – Где тебе удалось найти эти великолепные создания?

– Найти? – Лицо Дерека стало гордым. – Я сам вырастил их. А теперь и у Джамиля, надеюсь, будет время, чтобы раз-

вести новую породу скакунов в Барике.

– *Иншалла,* – ответил серьезно Омар.

– Да, – согласился Дерек, тоже уже без тени улыбки, – если на то будет воля Господа.

Глава 13

Дерека Синклера, графа Малбери и будущего маркиза Ханстэбля, не покидало приподнятое состояние духа с самого утра, когда он въехал в Барику. Все, что он видел, окружавшие его запахи и звуки напоминали ему о том, как много дорогого для него осталось в этой части мира и что ему еще совсем нетрудно вновь ощутить себя турком-мусульманином.

Базар, который он пересек, направляясь к дворцу, жил своей жизнью, ни малейшим образом не напоминавшей о существовании Англии. Лавки восточных пряностей источали аромат сандала и камеди; верблюды, позвякивая колокольчиками, неторопливо брели вдоль торговых рядов, не обращая, казалось, внимания на крики своих погонщиков; легкий ветерок врывался в ларьки торговцев шелком, заставляя их товар колыхаться, переливаясь всеми цветами радуги. Вокруг шевелилось целое море мужских тюрбанов, а черные глаза женщин были единственным, что можно было разглядеть из-под укутывающей их с головы до ног одежды. Гомонили торгующиеся купцы, сладко пели в бамбуковых клетках соловьи, и на каждом углу шелестели струи фонтанов. В общем, это была Барика. Барика, которую Дерек еще совсем недавно не чаял увидеть вновь!

Раскинувшийся более чем на дюжину акров на самом вы-

соком холме города дворец деев вызывал еще больше, уже казалось, забытых воспоминаний у Дерека, идущего за Омаром по его бесчисленным лабиринтам. Когда граф приехал, его, конечно, не пустили дальше переднего двора, который был окружен высокой стеной, защищающей оружейный арсенал, дворцовую пекарню, монетный двор, казармы охраны и другие служебные постройки. Сейчас же они миновали несколько смежных с кабинетом великого визиря комнат, ведущих в глубь дворца, и проходили мимо внутреннего двора, куда допускались только чиновники дея и иностранные дипломаты.

В отличие от переднего, обычно заполненного публикой, внутренний двор представлял собой уединенный сад с живописными лужайками, через которые были проложены тропинки, ведущие к небольшим беседкам. Здесь под высокими кипарисами свободно резвились газели и важно выступали павлины. Павильоны, в которых были разложены всевозможные яства, были готовы к неожиданному государственному приему. Многочисленные рабы, усердно трудившиеся под жарким солнцем, низко кланялись великому визирю и его спутнику.

В этот двор выходили двери помещения, в которых работали дворцовые чиновники, и палаты, где несколько раз в неделю заседали члены дивана. Здесь принимали иностранных послов, совершали обряд обрезания сыновей дея, справляли свадьбы его дочерей и проводили другие важные цере-

монии. Отсюда, через узорчатую решетку железной калитки, можно было попасть в гарем.

Другая калитка, расположенная в самом конце сада, вела в следующий дворик, тот самый, который был наиболее знаком Дереку. Это тоже был сад, но совсем укрытый от посторонних глаз. В нем росли каштаны, инжир и увитые плющом старые кипарисы. В этом уголке дворца располагались казначейство, тронный зал и школа для детей дея. Одна из выходящих в этот дворик дверей вела в отделанные великолепными изразцами коридоры, за которыми были апартаменты дея, соседствующие с гаремом.

Омар вел Дерека прямо в сердце дворца, минуя бесчисленные коридоры, комнаты и палаты с прилегающими к ним кухнями, ваннымиями, гаремными помещениями и двориками. Наконец они попали в тот коридор, которым пользовались приглашенные к дею наложницы, и остановились перед массивной дверью из ливанского кедра, возле которой застыли в неподвижных позах два огромных стражника-нубийца. Не было сомнений, что Дерека не остановили до сих пор лишь потому, что его сопровождал сам великий визирь. Многочисленные стражники, дежурившие по всему дворцу, в противном случае уже давно бы прервали их продвижение вперед, тем более что граф так и остался в своем капюшоне и старался опускать голову ниже, чтобы не привлекать внимания к своей необычной внешности. И все-таки Дерека что-то смущало.

– Надеюсь, у вас есть пароль или что-то вроде этого, чтобы ты мог предупредить этих молодцов в случае, если бы от меня исходила какая-то угроза, – заметил он задумчиво.

– Но тебя же обыскали при входе во дворец, разве нет?

– Да, но что, если кто-то сумеет захватить кого-то из твоих жен или детей и заставит тебя с помощью этого провести его во дворец?

Омар ухмыльнулся.

– Конечно, есть сигнал, и, подай я его, тебя бы или любого другого обезглавили еще снаружи, но я рад, что ты уже проявляешь интерес к нашей системе охраны. Ты должен говорить мне обо всем, что вызывает твою озабоченность.

Бровь Дерека вопрошающе приподнялась.

– Твоя семья надежно защищена? Убить того, кто скажет, что твои близкие находятся в его руках, не значит спасти их.

Омар кивнул.

– Мои сыновья, внуки и правнуки в полной безопасности, насколько ее, конечно, можно обеспечить для них. Мои жены? – Он обреченно вздохнул, сверкнув глазами. – Будет не самая большая потеря, если с ними что-нибудь случится.

Дерек, сдержав улыбку, кивнул в сторону двери.

– Надеюсь, ты объявишь о моем прибытии?

– Да, разумнее будет сделать так, если ты, конечно, не собираешься посмотреть, как телохранители дея набросятся на тебя, когда ты войдешь.

– Думаю, что лучше обойтись без такого наблюдения, –

сухо ответил Дерек.

– Хорошо. Полной неожиданностью для дея твое появление не будет, но, безусловно, он удивится. После того как убили стольких посыльных, Джамиль уже начал терять надежду, что кто-то сумеет добраться до тебя, Касим. – При звуке этого имени Дерек многозначительно взглянул на стражников. Омар покачал головой. – Стражники у двери дея – глухонемые, и его личные телохранители тоже.

Омар постучал в дверь, выждал ровно десять секунд и вошел. Дерек следовал за ним по пятам. Помещение, в котором они оказались, было типично восточным: большое, изолированное от внешнего шума, с поддерживающими расписанный изображениями цветов и растений потолок вычурными колоннами из оникса. Стены зала украшали оштукатуренные панели, на которых были изображены узоры из цветов и геометрических фигур, чередующиеся с каллиграфически выписанными изречениями из Корана. Окна прикрывали резные решетки, дававшие тень, но пропускавшие тем не менее достаточно солнца, блики которого отражались, рассыпаясь искрами, от отполированного мрамора пола. В центре зала пол был украшен великолепной мозаичной сценой охоты. Мебели совсем немного: несколько низеньких столиков и инкрустированный перламутром секретер у одной из стен. Кресел и диванов вообще не было видно. Вместо них для отдыха дея и его гостей имелись небольшие возвышения, заваленные мягкими подушками. В данный момент

зал не пустовал. Помимо дея, в нем находились специальный повар, готовящий кофе, раскуриватель трубки и еще с полдюжины рабов Джамиля. Рядом с деем, наклонив голову, сидела одна из наложниц. Это ей, чтобы прикрыться, предназначались те десять секунд, которые выжидал у дверей великий визирь.

– Разве у нас была назначена встреча, Омар? Я что-то не припомню, – прервал воцарившееся в зале молчание Джамиль.

– Нет, нет, мой господин. Но мы просим о возможности сказать вам несколько слов наедине, если вы позволите. Даже вашим охранникам, по-моему, тоже следует удалиться.

Джамиль удивленно приподнял брови, но о причинах такой необычной просьбы не спросил. Дей кивнул головой, и все слуги стали пятиться спиной к дверям, кланяясь своему господину по мере приближения к ним, – обычный способ уходить в присутствии восточного властелина. Точно так же выходила и женщина, явно недовольная тем, что главный министр отобрал час, отведенный ей для общения с деем. Он не отрывал взгляда от загадочного спутника Омара, убежденный, что и тот столь же пристально смотрит на него из-под опущенного капюшона своего бурнуса.

Как только комната опустела, дей требовательно спросил:

– Ну? Неужели наконец кто-то пришел, чтобы рассказать об этом проклятом заговоре, который сводит меня до срока в могилу? Что же он сообщил тебе, Омар?

– Только то, что его путешествие было приятным, если, правда, можно считать приятным месячное пребывание в море без женщин, которые должны скрашивать досуг мужчины.

Джамиль сердито посмотрел на своего главного министра.

– Ты пришел затем, чтобы шутки шутить, старина?

Омар больше не в силах был сдерживаться и буквально затрясся от смеха, не обращая внимания на то, что лицо повелителя Барики делалось все мрачнее. Великий визирь хохотал так, что на глазах его выступили слезы. Лишь после этого он сумел обратиться к Дереку:

– Открой свое лицо наконец, а то он подумает, что я сошел с ума.

Дерек стал стаскивать с головы капюшон, одновременно делая несколько шагов в направлении дея. Джамиль сел на подушки, но тут же вновь вскочил на ноги. Дерек подошел к нему, и они оба замерли, разглядывая друг друга. В одной паре зеленых глаз вспыхивали то надежда, то недоверие к тому, что они видят; другая, совершенно неотличимая от первой, светилась радостью.

– Джамиль! – произнес Дерек, сумев вложить в это единственное слово целое море переполнявших его чувств.

Джамиль наконец улыбнулся и вдруг, громко вскрикнув, по-медвежьи сжал брата так сильно, что, будь на месте Дерека менее крепкий человек, у него сломались бы кости. Ответные объятия были столь же сильны.

– Аллах милосердный, Касим! Я уже не верил, что когда-нибудь снова увижу тебя.

– И я тоже.

Оба рассмеялись, подумав одновременно, что для того, чтобы «увидеть» брата, любому из них достаточно посмотреть на свое отражение в зеркале. Но быть вместе – это, безусловно, совсем другое дело.

– Девятнадцать лет! – продолжал Дерек, не отрывая глаз от Джамиля. – Боже, мне так недоставало тебя!

– Не более, чем мне. Я думал, что никогда не прощу матери то, что она разлучила нас.

– Но одного старого человека это сделало счастливым, – тихо произнес Дерек.

– Что мне до того, если я чуть не умер от горя? – воскликнул Джамиль с негодованием, которое никогда не умел сдерживать. – Ты знаешь, они и меня пытались убедить в том, что ты умер, как и всех других! Меня! Как будто я не чувствовал правду. Я думал, я схожу с ума, слыша, как даже Рахин доказывает, что ты мертв, и зная… Оно говорило мне, что этого не может быть! – Джамиль указал на то место своей груди, под которым билось сердце. – И в конце концов она была вынуждена рассказать мне, что сделала. В тот день я перестал называть ее матерью.

– Тебе следовало бы рассказать мне об этом.

Джамиль махнул рукой.

– Только когда мне исполнилось пятнадцать, она сказала,

как можно связаться с тобой. Мне было тяжело доверять бумаге те чувства, которые бушевали во мне в течение предыдущих пяти лет. Ведь я прекрасно знал, что пока мои письма дойдут до тебя, их обязательно прочитают другие.

– А я все боялся спросить, почему ты не отвечаешь на мои послания, которые я начал писать тебе сразу же.

– Я никогда не получал их. Наш отец следил за этим, опять же по настоянию Рахин.

– Но зачем? – воскликнул Дерек, доказывая, что и ему не чуждо чувство негодования.

– Она не хотела неприятных воспоминаний. Конечно, нас было двое, и одним можно было пожертвовать. Но она не хотела, чтобы что-то напоминало ей о сделанном.

Прежде чем ответить, Дерек посмотрел куда-то вдаль.

– Я помню слова, которые она сказала, когда сажала меня на корабль. «Сама я не могу вернуться назад, Касим, – сказала она тогда, – а если бы и вернулась, то все равно не в состоянии родить ребенка. Ты единственный, кто может продолжить мой род, а это столь же важно в Англии, как и здесь. Джамиль – первенец. Ваш отец никогда не разрешит уехать ему. А ты… ты – единственное, что я могу дать моему отцу, а я его очень люблю, Касим. Для меня непереносима мысль о том, что он умрет в одиночестве, без малейшей надежды на будущее. Единственное, что я могу дать ему, – это ты. Ты станешь его наследником, его утешением, его смыслом жизни. Пожалуйста, не осуждай меня за то, что я отсылаю тебя

к нему».

– Она все равно не имела права!

– Да, – мягко согласился Дерек. – Но я на всю жизнь запомнил, как она плакала, когда отчалил мой корабль.

Братья замолчали, глядя друг другу в глаза.

– Я знаю, – наконец согласился Джамиль. – Я часто слышал, как она плачет, думая, что никого нет рядом. Но я тогда был слишком молод и не умел прощать. Я гнал от себя мысль, что она может так же сожалеть о тебе, как я сам, отказывался верить, что она все еще любит тебя после того, что сделала. Я и Мустафу возненавидел за то, что он позволил ей уговорить себя и дал согласие на это.

– Тогда у него было много сыновей, хотя мы, конечно, были самыми любимыми.

– Не пытайся придумывать для него оправдания, Касим. Сама судьба наказала его позже, когда половина его сыновей умерли, не успев даже покинуть гарем.

Эти злые слова заставили обоих нахмуриться.

– Не надо. Ты ведь на самом деле не думаешь так, – сказал Дерек.

– Конечно, – ответил Джамиль. – Но ему действительно пришлось оплакивать потерю пятерых сыновей, одного из которых он сам отослал от себя. Ведь все вокруг думали, что ты умер, и это вполне могло стать правдой. Наверное, ему только и оставалось, что ругать знавшего обо всем Омара за то, что тот не отговорил его от чрезмерной щедрости к лю-

бимой кадин.

При этих словах братья обернулись, надеясь, что получат дополнительные разъяснения от Омара, и вдруг поняли, что он давно незаметно вышел из комнаты, не желая мешать их первой встрече после столь долгой разлуки. Обоих развеселила и растрогала такая деликатность старика. Они молча уселись на подушки. Джамиль подвинул брату длинную трубку с янтарным мундштуком, но тот отрицательно качнул головой. Дерек сидел в выглядевшей несколько неуклюже здесь позе, которую мог занять только европеец: опершись локтем одной руки и положив другую на согнутые колени. Из-под его раскрытого теперь бурнуса были видны серая полотняная рубашка с открытым воротом, заправленная в узкие лосины, и высокие сапоги.

На Джамиле были широкие турецкие шаровары до колен, очень удобные для того, чтобы сидеть в излюбленной на Востоке позе, которую он и занял сейчас, скрестив свободные от какой-либо обуви ноги. На дее была туника из зеленого шелка без воротника, но расшитая по горловине и краям рукавов желтыми драгоценными камнями. Тюрбан его украшал великолепный изумруд величиной с грецкий орех. Сейчас, когда они были одни, Джамиль сдвинул свой замысловатый головной убор, и по его плечам рассыпались обычно скрытые от посторонних глаз иссиня-черные волосы, которые были не менее чем на три дюйма длиннее, чем у Дерека.

– А ты простил ее? – спросил Джамиль, когда их взгляды

вновь встретились.

– Я лучше понял мотивы ее поступка, когда узнал Роберта Синклера. Я полюбил его по-настоящему, Джамиль, так же, как, наверное, она любила его.

– А я так его ненавидел, считая причиной разлуки с тобой, – признался Джамиль. Но произнес он эту фразу уже гораздо мягче, чем предыдущие.

– Я тоже поначалу. Я вообще ненавидел тогда все английское. Но потом к нам пришла маленькая девочка лет шести и спросила: «Почему ты так нехорошо, так высокомерно ведешь себя? Ведь ты же просто мальчик и к тому же сирота».

– Сирота?

– Это версия, с помощью которой наш дед объяснял соседям, почему я оказался в его доме без родителей. Согласно ей, мой отец был иностранным дипломатом, за которого мать вышла замуж во время одного из своих путешествий. Затем родители якобы умерли, и заботы по моему воспитанию легли на маркиза. Это было понятно окружающим и вызывало у них чувство сострадания ко мне. Ох уж это сострадание, – ухмыльнулся Дерек. – Когда мне было только двенадцать, у нас на кухне работала одна симпатичная молодая служанка, которая умела настоять, чтобы я проверил, как она умеет утешить.

– В двенадцать? – удивился Джамиль. – А меня наш отец заставил ждать до тринадцати, прежде чем позволил хоть одной рабыне попытаться усладить меня.

Оба улыбнулись, вспомнив свое первое приобщение к любовным утехам и то, какими неуклюжими и застенчивыми были они в те юные годы.

– А как насчет той неразумной девочки, которая обидела тебя тогда? – спросил дей.

Дерек засмеялся.

– Она стала моим самым близким другом. – Он еще сильнее развеселился, увидев недоумение и недоверие в глазах брата. – Правда. Благодаря ей я понял, каким был ослом, строя все свои отношения с окружающими на собственных чувствах одиночества и обиды. Я вдруг осознал, где я нахожусь и что жить мне придется именно здесь. После этого мне стало намного легче.

– Да, но женщина-друг, Касим! Я знаю, что европейцы относятся к женщинам не так, как мы. Но ты же лишь наполовину англичанин.

– Не забывай, что в тот момент я только что покинул гарем. Мне с этой девочкой было как-то проще и привычнее, чем с жившими в поместье маркиза мужчинами. И как ты правильно сказал, в Европе к этому относятся иначе. Мы с Каролин сохранили нашу детскую дружбу и когда выросли. А сейчас, – добавил Дерек с улыбкой, – я собираюсь жениться на этой леди.

Джамиль покачал головой.

– Ты долго ждал, прежде чем жениться.

– Необходимо как следует подумать, если с тем, кого вы-

бираешь, будешь жить вместе всю жизнь.

– Да… Только одна жена, – вздохнул и покачал головой дей. – Разве ты можешь быть удовлетворен одной-единственной?

– Брось, Джамиль. Ты прекрасно знаешь, что европейцы в этом плане на самом деле мало чем уступают вам. Мы просто обязаны меньше распространяться о таких делах, вот и все. – Дерек на мгновение смолк, а потом откровенно добавил: – Я бы и сейчас не думал о женитьбе, если бы маркиз не настаивал. Ему очень хочется успеть увидеть внуков.

– У тебя еще нет детей?

– Нет, по крайней мере я не знаю ни одного. А сколько их уже у тебя?

– Шестнадцать, но сыновей только четверо.

– Значит, с тех пор как я получал от тебя последний раз известия, у тебя прибавилось трое дочек. Поздравляю!

Джамиль в ответ пожал плечами. Разговоры о дочерях здесь не велись, за исключением того момента, когда наступает пора выдавать их замуж, а самой старшей из его малышек было не больше шести. Но в глубине души дей их всех просто обожал, и потому его лицо осветилось гордой улыбкой, когда он ответил Дереку:

– Моя первая жена, мать моего первенца, порадовала меня еще двумя дочками. Они настоящие ангелы, Касим, самой маленькой только три месяца.

– Надеюсь, что смогу взглянуть на них, пока я здесь? Ведь

я все-таки прихожусь им родным дядей.

– Конечно, – ответил Джамиль, несколько удивленный. Ведь если Касим согласился с планом Омара, то он непременно увидит не только этих малюток, но и всех жен и детей Джамиля. – Разве Омар не сказал тебе… – Но он уже понял ответ на вопрос, который хотел задать, по мягкому взгляду и недоумению брата и совсем рассердился. – Ах он сын верблюжьего дерьма! Он не сказал, зачем мы позвали тебя сюда, да? Оставил это мне!

Дерек улыбнулся.

– Честно говоря, мы до этого не дошли. Перед приходом к тебе мы обсуждали совсем не это, а проблемы разведения лошадей.

– Разведения лошадей?

– Да. Дело в том, что я привез для тебя отличную пару чистокровных скакунов.

Гнев на лице Джамиля уступил место выражению неподдельного детского восхищения.

– Ты привез?

– Да, – сказал весело Дерек. – Но хотелось бы узнать, что ты имел в виду, говоря о причинах моего приезда?

Джамиль поежился.

– Вообще-то это идея Омара, – сказал он, как бы оправдываясь. – Я сначала даже отказался обсуждать ее. Но он изо дня в день возвращался к ней и в конечном итоге уговорил меня обратиться к тебе с этой просьбой. Ему это никогда бы

не удалось, если бы я не был уверен, что за заговором стоит Селим. Он ненавидит меня, Касим, всегда ненавидел. Ты же знаешь, должен помнить! Он со своей злобой и жестокостью даже хуже Махмуда. Если ему удастся устранить меня, он непременно убьет моих жен, моих детей, всех, кого я люблю.

Дерек тоже помнил Селима.

– Да, не сомневаюсь, что так и будет, – согласился он. – Но что предложил Омар?

– Чтобы ты занял мое место.

Дерек не удивился. Он подозревал, что именно для этого его позвали в Барику, собственно, это было единственным, зачем он мог так понадобиться здесь. Но его никогда не вдохновляла мысль о возможности стать следующим деем Барики, хотя он и являлся самым старшим после Джамиля представителем династической линии. Ему просто совсем не хотелось получать в придачу к тому титулу все связанные с этим проблемы. Он уже слишком долго жил жизнью англичанина. Правда, в течение нескольких лет он принимал участие в интригах Маршалла, но это было совсем другое дело. Все его поездки были лишь небольшими приключениями, позволявшими ему прежде всего пощекотать собственные нервы, и все они заканчивались сразу, как только он вновь вступал на берег Англии. Здесь же роль, взятую на себя, ему придется исполнять до конца жизни.

– Я не смогу заменить тебя, Джамиль. Я решил отказаться от своего права. Здесь все считают меня умершим. Луч-

ше бы, чтобы так было и впредь. Но временно, на несколько дней, я, конечно, готов стать деем Барики, чтобы спасти твою семью от мести Селима. Можешь быть уверен, и не следовало даже просить об этом. А пока будем надеяться, что во время моего пребывания здесь ничего страшного не случится.

Вопреки ожиданиям Дерека его слова Джамиля не успокоили.

– Мне кажется, ты не понимаешь, о чем идет речь, – сказал дей. – Омар предлагает, чтобы ты занял мое место не тогда, когда я умру, а до этого.

Секунд пять Дерек в растерянности молчал, потом почти выкрикнул:

– Господи Иисусе! Ты знаешь, о чем просишь?

Боль, мелькнувшая в глазах Джамиля, говорила, что он знал. Однако причину столь резкой реакции брата, как выяснилось, дей истолковал совсем неправильно.

– Ты прав, – тихо произнес он. – Мы требуем от тебя слишком многого. Риск слишком велик…

– Да черт с ним…

– Нет, нет. Я вообще не должен был вызывать тебя сюда. Я бы и не сделал этого никогда. Только страх за тех, кого я люблю… Но ты прав, опасность одинакова в любом случае – буду ли во дворце я или ты. Омар сглупил, предложив этот план…

– Джамиль…

– Он только и думает что о Барике. Угроза чьей-либо жизни для него…

– Заткнись, Джамиль! – закричал Дерек, отчаявшийся привлечь внимание дея к своим возражениям.

Джамиль замер на полуслове. Еще никто так грубо не обрывал его. На это не осмелились бы ни Омар, ни его любимая Шила, ни любой другой человек в Барике.

– Опасность меня не пугает, – заговорил, не обращая внимания на состояние брата, Дерек. – Мне приходилось рисковать жизнью по куда менее серьезным причинам. Поэтому заклинаю тебя, не возвращайся больше к этому, если не хочешь окончательно вывести меня из себя. Дело в другом. Мне придется неделями, а может, месяцами притворяться, что я – это ты. Смогу ли я после того, как не видел тебя целых девятнадцать лет?

Джамиль сверкнул ослепительно белыми зубами.

– Ну, это не самое сложное. С неделю, может, чуть дольше ты понаблюдаешь за мной, изучишь мои манеры, то, как я веду себя с окружающими. Да и Омар поможет. Он всегда будет под рукой и не даст тебе ошибиться.

– А вдруг его не окажется во дворце как раз тогда, когда кто-нибудь попросит разрешить вопрос, в котором я совершенно не разбираюсь. Что тогда?

– Послушай, Касим, ты, видимо, забыл, что такое дей? Ты сможешь в любое время прогнать любого, а если захочешь, и всех. Никто не осмелится даже спросить, почему ты это

сделал. Я уже проделывал это много раз в последние месяцы, значит, тем более не вызовет удивления, если ты вдруг прикажешь убраться из зала всем, кроме моих немых охранников. Впрочем, и они успели пострадать от моей раздражительности.

– Почувствовал себя узником, да? – усмехнулся Дерек.

– Да, это длится вот уже три месяца, – ответил дей раздраженно.

– Ладно, как я могу избежать разных щекотливых ситуаций, более или менее ясно. Но что ты скажешь по поводу управления твоей маленькой империей?

– Омар может решить любой вопрос. Это вообще входит в его обязанности, когда я отсутствую.

– Значит, ты не собираешься оставаться во дворце?

– В том-то и дело, что нет. Я намерен разыскать Селима и хочу обратиться за помощью в этом деле к его тезке – султану Селиму. В последний раз нашего сводного братца видели при его дворе. Проблема в том, что ни один из тех, кого я послал искать Селима, не может по своему положению рассчитывать на аудиенцию у султана, а последний, как известно, письменные обращения часто просто не читает. Поэтому в Истамбул должен поехать я сам. Надеюсь оттуда разглядеть то место, где укрылся наш братец. Даже если султан не знает, куда уехал Селим, он легко сможет это выяснить. Не забывай, что вся моя шпионская сеть – детские игрушки по сравнению с разведкой Истамбула.

– Удивляюсь, что ты не сделал этого до сих пор.

– Я хотел. Но категорически возражал Омар, и все советники поддержали его. Да простит меня Аллах, они прямо как компания старух, опекающих младенца! Боятся отпустить меня даже на передний двор, не говоря уже о том, чтобы вырваться за дворцовые стены. Вообще-то их можно понять. При наличии во дворце более тысячи рабов всегда можно подкупить дюжину, и они будут шпионить за мной, сообщая о всех моих перемещениях. Даже изменив внешность, я не могу выйти с уверенностью, что об этом заранее не стало известно убийцам. А уж что делать дальше, они разберутся.

– Действительно, дворец имеет лишь один выход, что существенно облегчает наблюдение за ним.

Джамиль кивнул.

– Время от времени эти наблюдатели теряют терпение и посылают одного-двух наемников прямо сюда, надеясь, что им наконец удастся застать меня врасплох и убить. Не далее как в прошлом месяце одному такому удалось проникнуть даже в мою спальню. Он убил двух стоящих у дверей стражников и попытался подползти к кровати, на которой я спал. К счастью, мои телохранители оказались более бдительными, один из них успел сделать из этой собаки решето до того, как она успела укусить меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.